

ШКОЛЬНИК ВЕСТИНИК

6+

6/2023

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

6/2023

СОДЕРЖАНИЕ	
Учредители журнала:	
АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Кристина Стрельникова Держись, подлый Эдя! Руслан, я — Рада Свидание под присмотром
	1 15 45
Главный редактор Ю.И. Кочетков	Леонид Авксентьев Нилыч
	54
Редакционная коллегия:	Анна Игнатова Калейдоскоп
	73
С.В. Винокурова	Сергей Махотин Без уважительной причины
В.З. Денискина	Отрицательные частицы
И.Н. Зарубина	Шестиклассник Серафим
О.В. Клековкина	
Ю.И. Котов	
Т.М. Морева	
И.И. Семёнова	
А.П. Торопцев	

ДЕРЖИСЬ, ПОДЛЫЙ ЭДЯ!

В этой школе она проучилась почти два года. Пришла сюда в прошлом году, в восьмой «Б». И все это время ее удивляли отношения в классе. Мальчики — отдельно, девочки отдельно. Два военных лагеря, которые косятся друг на друга, ожидая удара со стороны противника.

На классных часах Глобус (географичка, а заодно и классная) бесконечно нудила о том, что девочек надо уважать и заботиться о них. О том, что девочки должны уважать себя и вести себя прилично. Например, не подходить к мальчикам первыми и не унижаться, как «какая-нибудь Татьяна Ларина». Камилла хотела поспорить, но учительница ее резко осадила и строго осудила.

— Время Лариных уже прошло! — сказала она.

Вот это фраза! С чего Глобус это взяла?

И получалось: мальчики должны то-то, а девочки должны то-то. А вместе — никак, ничем не связаны. И то, что они что-то «должны», их только отталкивало друг от друга.

Мальчики должны быть мужественными: уступать девочкам место, помогать носить тяжести. Девочки — хрупкие и нежные.

О каких тяжестях речь? Лопаты? Рюкзаки? Камни? Ведра цемента? Диваны? Ничего этого девочки в школы не носили. Рюкзаки размером с диван для дога были, но в младших классах. Чем ближе к старшим, тем меньше предметов хочется носить в школу. Пара тетрадок и ручка. Учебник? Можно взять у соседа. Можно договориться, кто какой учебник приносит.

На очередном классном часе Камилла пыталась подвести итог, кто что должен.

Итак, девочки должны уметь: готовить, стирать, шить, гладить, вязать, вести домашнее хозяйство. Мальчики должны: быть мужественными.

Девочки должны: быть аккуратными, красивыми, нежными, женственными, образованными, приличными, прилежными, тихими, послушными, скромными, терпеливыми. Мальчики должны: быть мужественными.

Девочки должны: уметь оказать первую медицинскую помощь, получить хорошую профессию, вести здоровый образ жизни, готовить себя стать матерью, быть примером для подражания своим будущим детям.

Мальчики должны: быть мужественными.

Ну, это преувеличение, конечно. Кажется, упоминалось о том, что мальчики должны получить образование, чтобы стать опорой для своей семьи. Но с девочек эта обязанность тоже не снималась.

Камиллу угнетали слова Глобуса.

— Еще одно слово про мой долг, и я убью себя, — шепнула она Элле.

Пока Глобус вращалась вдоль класса и вещала об уважении, Рустик и Арслан за спиной Камиллы и Эллы нашептывали им такие гадости!

Рустик перепробовал на Элле все мерзопакостные слова, какие знал. А ведь она как раз аккуратная, нежная, тихая, красивая и женственная. Элла вообще ангелоподобная. Она стойко делала вид, что не слышит.

Два тролля Рустик и Арслан нашептывали гадости и про учителей тоже. Например, физичка объясняет тему, а Рустик и Арслан в это время переводят ее слова во что-нибудь пошное. Ну... невозможно привести пример здесь, это будет нелитературно.

У кого в классе водится парочка пошляков, те сразу поймут. И Рустик, и Арслан вызывали у Камиллы и Эллы стойкое отвращение. Как насекомые, которые влезли на ногу и зашевелили усиками. Хотелось заорать и стряхнуть их, дрыгая ногой. И насекомые-то мелкие, а такие мерзенькие. Причем сами Рустик и Арслан считали себя ужасно остроумными и держались до одури гордо.

Еще были в классе два самых рослых и с виду мужественных мальчика — Фома и Эдик. Но только с виду. Эти тоже, как назло, шипели пошлости, но с замахом на «взрослые шутки» типа «Камеди клуб». И правда, получалось выше уровня начальной школы. Смотрели на девочек эти двое как-то пошло. Пригибались к парте, переглядывались и хихикали, ну совсем не по-мужски. Фома при этом краснел и покрывался пятнами. Белолицый Эдик косил глазом больше обычного.

Одноклассницы влюблялись в мальчиков из чужих классов, желательнее постарше года на два, а на своих презрительно фыркали.

Но ведь влюбляться в «своих» никто и не просит. Достаточно быть в хороших отношениях. Дружить, вот что. В старой школе у Камиллы был очень дружный класс, и с такой холодной войной она еще не сталкивалась. Две половины просто не общаются друг с другом на человеческом языке!

Камилла с энтузиазмом стала доискиваться причины. И нашла. В классе нет классной жизни. Нет общих дискотек, уютных чаепитий, совместных поездок и экскурсий. И виноватого Камилла тоже нашла. Это классная руководительница. Да! Это Глобус расколола класс. Она провела границу, скорее всего, давно, с пятого класса. Но, может быть, педагогическую ошибку еще можно исправить?

Камилла рискнула озвучить свои мысли, но как-нибудь тактично, не задевая пожилого консервативного педагога.

— Светлана Петровна, почему в параллельных классах такого нет? И в 9-м «А», и в 9-м «В» мальчишки и девчонки свободно общаются друг с другом.

— Даже слишком свободно, — поджала губы Глобус. — Одна пара уже собирается жениться.

Ну это исключение, — не смутилась Камилла. — От дружбы не забе...

— Тихо! — шикнула Глобус, делая страшные глаза.

Ах, да. Слово «беременность» произносить нельзя, оно под запретом. Так может, той девочке, которая вынуждена готовиться к замужеству в 14 лет, как раз необходимо было почаще говорить это слово.

Может, она вообще его не знала, раз оно под запретом. Может, ей никто не объяснил, что такое в принципе случается с девочками.

На уроке физкультуры Камилла присмотрелась к мальчикам (которые бегали отдельно от девочек) и признала, что к типам из их класса невозможно относиться с симпатией.

— Глазам больно, — согласилась с ней Элла.

Ситуация такая. Мальчики 9-го «Б» не поддаются физической подготовке. Никто не может подтянуться и отжаться, кроме Фомы. Фома при этом ужасно пыхтит, краснеет и пятнеет. Но сдает хотя бы минимальные нормативы.

Все остальные — слабенькие и хиленькие. В трико и футболках выглядят ужасно убого и стараются пригнуться и скрючиться, вдруг их никто не заметит. Прямо блед-

ные червячки. Почему-то до восьмого класса Камилла вообще не обращала внимания на фигуры мальчиков.

— Посмотри на Эдьку! — захихикала Жанна, еще одна подружка Камиллы.

Камилла посмотрела и пожалела об этом:

— Как мне это развидеть?!

Эдик был жалок и смешон. Трико обвисало на коленках, туго обтягивало выше колен, а на заду топорщилось. Камилла не могла понять, что не так с Эдиком. Эдька же такой здоровяк, когда в пиджаке! К тому же он в классе всех симпатичнее, несмотря на легкое косоглазие. Но что это? Два пузыря на коленках и гигантский пузырь позади.

— Ты не заметила, что у него женская фигура? — подсказала Жанна.

Теперь Камилла заметила. И правда. Плавная грушевидная фигура, видимо, мешала Эдику подтягиваться и забираться по канату. Учитель физкультуры измывался как мог. Эдик висел, как переспелая груша на ветке. Тяжелая багровая груша, покрытая испариной.

Камилла пожалела мальчишек. Такие выжатые тряпочки. Да еще на фоне девочек — рослых, статных, с красивыми сформированными фигурами.

— Зря ты их жалеешь, — предупредила Жанна. И была права.

Как только девочки начали переодеваться в раздевалке, дверь распахнулась. Заглянули два мелких тролля — Рустик и Арслан. Крикнули что-то пошленькое, свистнули, заржали и захлопнули дверь.

Женская раздевалка наполнилась визгом.

— Козлы! — заорали девчонки.

— Ужас... как маленькие! — сказала Жанна, прижимая футболку к груди.

Камилла успела спрятаться за дверцей шкафчика.

— А что случилось? — обернулась Элла и вытащила наушники из ушей. Она слушала французскую музыку и обитала где-то в Париже.

Может, мальчишки мстят девчонкам за то, что те развиваются быстрее?

Нет, надо что-то с этим делать. С физическим развитием, конечно, ничего не поделаешь — природа. Но... Кто мешает им хотя бы заняться спортом?

Камилла предложила организовать чаепитие с дискотекой. Как ни странно, учительница согласилась. Правда, не скрывала язвительной усмешки. Она считала эту затею заранее провальной. Возможно, Глобус хотела доказать это Камилле. Но Камилла настаивала.

На чаепитии все сидели молча, уткнувшись в кружки. Девочки принесли выпечку. Мальчики тоже внесли свой вклад: двигали стулья и парты к стене.

Учительница велела, чтобы девочки обслужили мальчиков, потому что это женское дело, а девочки будущие хозяйки. Мальчики обязаны применять мужскую силу — вовремя подключать музыку и активно двигать челюстями.

Камилла оглядела собравшихся.

Два лагеря, рассевшись за разные стороны стола, отворачивались друг от друга, косились и куксились. Жевали молча.

— А теперь вы можете потанцевать, — повелительно-благоволительно сказала учительница и встала к стене, скрестив руки на груди. Свет выключать не велела.

Она колола всех острыми, как стальные гвоздики, глазками. Никто не встал с места, так и сидели, пригвожденные. Камилла поднялась первой и подговорила двух своих подружек. Начались скованные девичьи танцы с оглядкой на надзирателя у стены. Девочки старались делать вид, что им весело.

Дело дошло до медленного танца. Опять никто не шелохнулся. Камилла бывала на общей школьной дискотеке, и на дискотеках в других классах, и в лагере, где попадаетея всего два-три не танцующих. Там объявлялись и просто медленные танцы, и «дамы приглашают кавалеров».

Камилла настроилась: «Ну хорошо, я покажу им, как надо!»

Она решительно подошла к неподвижному ряду мальчиков и вызвала Эдика. Он казался не таким окаменевшим. Эдик косил глазом, улыбался симпатично, с ямочками на щеках. Даже удалось его поднять.

Камилла вывела партнера на середину класса. Эдик послушно встал, куда указано. Уже неплохо. Надо продемонстрировать этому изваянию, что делать. Она положила руки ему на плечи. Эдик застыл столбом, потом стал оглядываться на других. То ли ждал какого-то поощрения, то ли призывал полюбоваться на эту сцену. Он явно боялся и не знал, как танцевать. Но продолжал улыбаться. Опять неплохо.

— Ну хорошо. Клади руки, вот так. Давай, Эдик! У тебя получится.

Камилла захватила обе его руки и положила себе на талию. Надо быть смелее. Камилла чувствовала на себе огромную ответственность. Обучать нелегко. Представила себя на минутку своим балетмейстером Розой.

Камилла начала двигаться. Эдик оглянулся на учительницу. Глобус кивнула, вроде благословила на подвиг. Другие сидели и смотрели. Ничего, подтянутся. Эдик потоптался вместе с Камиллой, улыбаясь хитро и глупо. Никто не подтянулся. Камилла ужасно устала, Эдик тоже вспотел. Дотрагиваться до него было не слишком приятно. На плечи нажмешь — чувствуется что-то нетвердое. Пробовала держаться за пояс, там тоже какое-то желеобразное движение. Кроме того, она все время вспоминала, как он трясся в обтягивающих трениках с пузырящимся задом.

Мальчики поглядывали с насмешечками. Девочки с ужасом. Жанна взирала на танцевальную пару оценивающе. Элла с туманом во взоре.

Кое-как Эдик и Камилла все-таки помялись под одну песню.

Уф... Ну ничего. Дело-то сдвинулось с мертвой точки. Главное — начать.

Камилла опустила руки и сделала реверанс. Эдик с тем же глуповато-хитроватым видом вернулся в свою компанию. Остальные жалась по углам. Потом подтянулись не к площадке для танцев, а к столу пожевать.

Учительница все еще стояла у стены с торжествующей улыбкой.

«Да ну вас всех!» — воскликнула про себя Камилла.

Она плюнула на свою затею и потихоньку сбежала с Жанной и Эллой на первый этаж. Там громыхала общая школьная дискотека. Пол под ногами пульсировал, стены гудели. Камилла нырнула в прыгающую толпу. Лица от светомузыки мигали и меняли цвета, как лампочки с улыбками. Вот это здорово!

В конце концов, она показала одноклассникам пример. Ничего страшного в танцах нет. Дальше — пусть сами.

— Ну прямо как с медузой танцевала! — крикнула Камилла Жанне.

Жанна ничего не ответила.

Они здорово побесились на дискотеке. Танцевали и с ребятами из параллельных классов, и с десятиклассниками. Из «бэшек» больше никто не заглянул. Наверняка доели плюшки и разошлись.

Жанку пригласил одиннадцатиклассник, и она долго была под впечатлением. Никак не могла успокоиться и была вся красная, и ее трясло. Она то и дело подтягивала свои колготки в сеточку и закидывала волосы назад. И делала «кхм-кхм», будто у нее запершило в горле. Она шептала Камилле его имя. Саша, Саша. А может, Сережа. Главное, что он — одиннадцатиклассник и у него серьга в ухе.

Ангелоподобную Эллу тоже приглашали на танец и осторожно вертели в водоворотах танцующих. Элла ни про кого не шептала на ухо Камилле. Она собиралась уехать во Францию и четко шла к своей цели: учила французский и следила за фигурой. Французов в их школе не водилось.

Камилла пришла домой в приподнятом настроении. В ногах и в висках долго пульсировал музыкальный ток. Два плана она осуществила. И сама потанцевала, и своим бэшкам-истуканам пример подала.

Бр-р! Почему же держаться за Эдика так неприятно? Удивительно, как может быть устроен человек. Голова красивая, а тело как будто тюлень. Хотя нет, до тюленей вовсе не противно дотрагиваться. Она же гладила их в дельфинарии.

На следующий день Камилла ощутила вокруг себя неприятный шепчущийся ветерок: ш-ш-ш, п-ш, с-с-с. Мальчишки посмеивались, теребили пушок над губами, у кого он был. Толкали друг друга в бок, показывали на Камиллу.

— Что это с ними? — спросила она у Жанки.

Жанка пожала плечами. Она стояла в коридоре, красиво облокотившись о подоконник, ждала, когда пройдет мимо Саша-Сережа.

— Дурачки какие-то. Что на них нашло? — удивилась Камилла.

Но особенно колбасился Эдик.

Идет мимо нее — грудь колесом, какие-то гримасы и ужимки строит. А сам потом косится на других пацанов и перемигивается с ними. Те глумливо хихикают в кулачки. А то вдруг подтолкнут друг друга к Камилле и потом со значением перемигиваются. И ржут, конечно.

— Да что с ними такое? Что это за тайные знаки?

— Обезьяньи, наверно, — предположила Элла и зевнула.

— Очень похоже.

В конце концов Камилла решила не обращать на них внимания. У нее были другие проблемы: ей грозила тройка по физике. К тому же она неудачно, как-то не вовремя, ответила на ухаживания одного десятиклассника. Теперь Камилла ожидала мести со стороны соперницы, которая была на голову выше ее и носила угрожающе-длинные острые ногти.

Выпускной Камилла собиралась провести с другим классом, где учились друзья, и уже договорилась с учительницей. А эти пусть лепятся к стенкам как хотят.

«И чего я влезла? Пусть Глобус за ними надзирает. И учит танцевать. Танец Глобусов».

Только потом, ближе к концу года, Камилла узнала причину внезапной и странной хохотливости одноклассников. Рассказали ей не подруги, подруги не вникали в дела мальчиков-ровесников.

Все прояснили две отличницы-неразлучницы, Леся с Гулей. Получилось это случайно. Камилла задумалась, как бы исправить физику, и осталась одна за партой, склонив голову. Она была в отчаянии.

— Сочувствуем, — подошли вдруг Леся с Гулей.

Камилла почти не общалась с Лесей-Гулей, они были заняты только учебой и вечно задирали носы. Камилле они казались слишком правильными и унылыми. Но сейчас Леся с Гулей и правда смотрели очень сочувственно. Даже с каким-то интересом, с огоньком в глазах. Камилла не замечала, чтобы раньше они стремились кому-то помочь. Может, эти девчонки не такие высокомерные, какими кажутся?

— Да уж... а вы знаете, как выйти из этой ситуации? — спросила Камилла.

— Надо подумать. Эдик уже всем разболтал.

— А он откуда знает? И кому растрепал?

— Да всем. ВСЕМ! — многозначительно подчеркнули Леся и Гуля.

— Странно. А его-то почему это волнует? — не могла понять Камилла.

Леся и Гуля переглянулись.

— Ну как... Это же его напрямую касается. Зря ты с ним связалась, он же подлый. Теперь все знают, что ты в него влюбилась и приставала к нему.

— Я? Когда? С чего?

— Ну с того вечера на танцах.

Камилла оторопела.

— Так я же учила его танцевать. Вы же сами видели. Девочки переглянулись и заговорили наперебой, как Бобчинский и Добчинский:

— Он говорит, что ты лезла к нему обниматься на танцах.

— Что ты специально все это подстроила, ради него.

— Он говорит, что ты от любви к нему сохнешь и очень приставучая!

— Прямо прохода ему не даешь!

— Да-да. Я это и хотела сказать — виснешь на нем постоянно. Так он говорит.

Девочки оживленно тараторили и жестикулировали.

Камилла, наоборот, замерла и вытаращила глаза, как в немой сцене. От отчаяния у нее сбилось дыхание. Ничего себе... вот тебе и тюлень в трико. Ластоногий! Опозорил ее перед всем классом! Вот это подлость! Как теперь вообще войти в этот класс? Смотреть на эти глумливые рожицы! Хотя она же как-то ходила все это время, когда была якобы влюблена в него.

Камилла беспомощно смотрела на отличниц. Теперь их сочувствующие взгляды выглядели совсем по-другому. Они хотели принять участие в личной жизни Камиллы, пострадавшей от несчастной любви. Нет, ставшей жертвой наиподлейшего подлеца. Сериал прямо!

Камилла вздохнула поглубже. И снова представила Эдика на физре.

Не выдержав, Камилла принялась хохотать.

— Влюбиться в этого? С пузырями на коленках? С надутой попой, как у тетеньки? В этого тю-тюленя в трико!

Камилла хохотала заразительно, захлеб, лягая стол и чуть не рыдая от смеха.

Девчонки удивились, но, глядя на нее, тоже развеселились.

— Вообще-то я и-за физики страдаю. — Камилла успокоилась и вытерла слезы.

— А... мы-то думали, что из-за несчастной любви.

— Размечтались!

Леся и Гуля были заметно разочарованы. Учебы в их жизни и так хватало. Но все же добросовестные отличницы присели рядом и принялись объяснять задания. В любви они не очень понимали, а вот физика — их тема. Втроем задачи решили шутя, в два счета.

— Вообще-то наша классная хотела эээ... провести с тобой беседу, — проговорились девочки.

— О чем? Мало мне ее бесед!

— О том, что ты это... сбиваешь с толку наших мальчиков.

— Было бы с чего сбивать! Бедный Эдичек, — усмехнулась Камилла. — Как же он теперь... Опозорила я его. Сбила с пути! Теперь он беспутный!

Учительница, зайдя в класс со строгим лицом и намерением поговорить, застыла. Она была встречена истерическим хохотом Камиллы и задорным подхихикиванием двух отличниц примерного поведения.

— Разве пристало девочкам... — начала Глобус и осеклась.

Что она хотела сказать? Что не пристало примерным девушкам дружить с такой легкомысленной особой? Что Камилла научит плохому — как навязываться мальчишкам под видом обучения танцам?

— Пристала-пристала! — зашлись в хохоте все трое. — Тю-тю... лень!

— Ничего не понимаю. Неразбери-пойми! — сказала Глобус.

«Вот именно!» — хотела добавить Камилла.

Да, Камилле было обидно. Да, обвинения были несправедливы. Но смех стирает обиды.

В этой ситуации проявился огромный жирный плюс. Камилла подружилась с двумя девчонками, которые казались ей заносчивыми занудами. А девчонки-то — замечательные. Главное равнодушные.

Тут в класс заскочил физрук. Он явно был раздражен.

— Не знаю, что делать с этими вашими слабаками! — обратился он к Глобусу. — Ни одной, так сказать, нормы сдать не могут. Не выставлю им оценки, пока не сдадут.

— Как? — театрально удивилась Камилла. — Эдик же с пацанами поспорил, что подтянется двадцать раз на перекладине. Перед всем классом!

— Так и поспорил? — усмехнулся физрук. — Эдуард Басаров? 20 раз? Перед всем классом? Это он рискнул!

Физрук погрозил пальцем невидимому и ничего не подозревающему Басарову.

Глобус подозрительно посмотрела на Камиллу и проницательно — на Лесю с Гулей.

Те, как замороженные, вытянулись в струнку и медленно кивнули.

— Этим девочкам можно верить, — важно изрекла Глобус.

— Ну все, так сказать! Держись, Басаров! — Физрук отметил что-то в своем журнале и с веселой яростью захлопнул его. Раздражение физрука тут же улетучилось.

Он еще раз погрозил кому-то пальцем и удалился бодрой торжествующей походкой.

— А кстати, что вы тут делали втроем? — поинтересовалась Глобус.

Своей задачей она считала не допускать неравноценную дружбу. Подобные должны дружить с подобными. Камилла не подходила в товарищи к Лесе-Гуле.

— Тесты решали, — дуэтом ответили Леся с Гулей.

Камилла смиренно уставилась в тетрадь с решенными заданиями.

Придется Эдику привести себя в нормальную физическую форму.

Держись, подлый Эдя, держись!

РУСЛАН, Я — РАДА

Он был старше её на отряд. То есть он был в первом, самом старшем отряде, с четырнадцати-пятнадцатилетними. А её распределили в отряд помладше, хотя она выглядела гораздо взрослее своих тринадцати. Смотрелась она там нелепо, будто одинокая вожатая среди детской гурьбы. Но это не помешало ему высмотреть и выбрать её. Именно высмотреть. Высматривал он долго, чуть ли не половина смены прошла. Остановится возле площадки, зыркнет соколиным взглядом, обойдёт кругом, снова уставится. Глаза горят, как у хищника. А она сидит себе спокойненько на скамеечке и читает книжку. Аккуратная короткая стрижка с длинной косой чёлкой, аккуратный нос, даже губы аккуратные. Бывают же такие лица — ничего крупного, ничего, выходящего за рамки. Все черты точно по какому-то выверенному лекалу.

А почему она сидела в гордом одиночестве и читала книжку в «свободные часы»? Потому что в их отряде

были глупые мальчики, совсем дети. Общаться с ними было неинтересно. Да и с девочками не очень. Какие-то все мелкие, наивные. Только одна была у неё подружка, но в эти часы она напрасно теряла время — спала. Соблюдала тихий час.

А ещё почему она сидела одна? Потому что единственный мальчик в отряде, который ей нравился — Алёшка Филиппов, — был влюблён в её сонливую подружку. И виновата в этом она сама, сама их сдружила. Вот никогда нельзя при парне, который тебе нравится, нахваливать свою подругу, никогда! Это огромная ошибка. Ладно, теперь уже ничего не сделаешь.

Рада вздохнула. Она ещё делала вид, что читает, но сосредоточиться уже не могла. Этот сокол из первого отряда всё кружил и кружил неподалёку. Рада ничего про него не знала, но побаивалась. Глаза у него горящие, какие-то бешеные. Такое ощущение, что радужки глаз выходят за рамки век и сверкают тёмным огнём. Прямо демон с картины.

Рада посмотрела через плечо на корпус второго отряда. Ни души. Может, заглянуть в студию мягких игрушек? Да ну, скучно. Никогда у неё не получится сшить что-то похожее на зверюшку. Вечно получаются косоногие уроды. Иголлка колется, нитки рвутся, ткани расползаются и раздражают.

— Не сиди так долго, плечи сгорят, — вдруг услышала Рада.

Рада вздрогнула и увидела перед собой парня-сокола. Добрался всё-таки! Она дёрнула плечиком и не ответила.

Парень подошёл поближе. Чёрные, почти синие, волосы — ёжиком. Спортивный, симпатичный. Но ей нравились блондины. Такие, как Алёшка.

— Ты что, не веришь? Смотри. Уже сгорели.

Он молниеносно приложил ладонь к её плечу. Рада была в майке с тонкими ляпочками.

Не успела она возмутиться, как почувствовала сильнейшую колючую боль от ожога. И правда, плечи «сгорели». Она же просидела на солнцепёке почти час.

Рада поморщилась.

— Теперь волдыри будут, — беспокоенно произнёс незнакомец.

— А тебе-то что? — хотела ответить Рада.

— Пойдём, — уверенно сказал парень. — Меня зовут Руслан. А тебя? Не говори, я угадаю. Ты Рада?

— Да, я Рада.

Узнал уже. У кого-то выпытал.

— Так и знал, что ты обрадуешься!

Руслан подвёл её к фонтанчику на аллее. Она смочила плечи холодной водой.

Но кожа продолжала гореть. Только сейчас, в тени, она увидела, что плечи стали алыми, под цвет майки.

— Ну точно облезут! Эх! — с сожалением воскликнул Руслан и звонко хлопнул себя по коленке. — Пошли в медпункт.

Рада не знала, где находится медпункт. Руслан привёл её и попросил медсестру:

— Нам что-нибудь от ожогов.

Медсестра вяло отнекивалась и ворчала, но Руслан уже крутился возле стеклянного шкафчика, изучал содержимое.

Медсестра откопала спрей от ожогов. Пока она опрыскивала плечи Рады, Руслан стоял рядом и морщился, как будто ему больно.

После процедуры Руслан предложил прогуляться по лагерю. Раду пугала его бесконечная подвижность и вездесущность. В нём кипятилась бурная энергия, которую ему явно некуда было девать. Каждое движение — резкое, молниеносное — вызывало подряд ещё несколько движений. Идёт, размахивает руками, вдруг подпрыгнет, обломает ветку, дальше шагает, уже рассекая веткой воздух. Сломает палку, бросит её, снова что-то ищет. То вдруг бросится к турнику и давай делать упражнения.

«Хулиган, наверное», — подумала Рада, от природы плавная и спокойная.

Мама всегда говорила ей: «И как ты находишь этих хулиганов?»

Да ведь это не она, они сами её находят.

Вот единственный раз ей понравился хороший положительный Алёшка Филиппов, и что? Влюбился в Светку, похожую на старосту начальных классов. Косичка, бантик, наивные синие глаза. В последнее время они повсюду ходили втроём: Рада, Света и Алёшка. Раде — мучение, а Свете и Алёшке — хоть бы что, они оба считали её своим другом. Даже старшим товарищем, как-то так.

— Перелезем через забор? — предложил Руслан.

— Да ты что? — удивилась Рада. — Нельзя же!

Ей не приходило в голову, что можно самовольно покинуть территорию лагеря и уж тем более лезть через забор. Это делали только нарушители, которых потом отчитывали вожатые и даже начальница лагеря. Их даже могли при всех выставить и разгромить на общей линейке. Вот кошмар-то!

— Да почему нельзя? Мы всегда там гуляем.

Не успела Рада возразить, как Руслан негромко свистнул. Откуда-то из кустов показались ещё два парня,

будто ждали команды. С ними была девушка, похожая на русалку. Эти трое тоже были из старшего отряда. На плече одного из парней висела гитара.

— Шурик, — шутливо поклонился тот, что с гитарой.

С остальными двумя Рада не успела познакомиться. Она увидела, что Руслан уже стоит за забором и нетерпеливо тянет к ней руки.

Времени на раздумья Раде не дали. Шурик передал гитару другу, посадил Раду, и она очутилась по другую сторону забора. Нетерпеливый Руслан подхватил её и быстро поставил на землю.

«Хорошо, что я всегда в спортивной одежде», — подумала Рада.

Шурик и парень с длинноволосой русалкой тоже перебрались на запретную территорию.

Шурик попытался поговорить с Радой, но Руслан сверкнул соколиным глазом, схватил Раду за руку и повёл по тропе среди высоких зарослей.

Рада выдернула руку. Руслан не настаивал.

«Плетусь, как овечка на заклание, — подумала Рада. — Зачем пошла?»

Но вид, открывшийся ей, перебил все мысли.

Территория, которую Рада считала лесом, оказалась заброшенным лагерем. Густые заросли, среди которых угадывались следы пребывания детей — ржавые качели, отключенные фонтанчики, умывальники, облезлые стенды, — выглядели жутко загадочно. Такие места Рада могла видеть только в кино. В каком-нибудь триллере, например.

— Этот лагерь назывался «Дубки», — пояснил Руслан. — Смотри!

Среди зарослей прятались цементные статуи, серовато-белые, как привидения. Они выглядывали из-за

кустарников или лежали в густой траве, уставившись незрячими глазами в небо.

Дальше вся команда пошла по бывшей аллее в настоящий дубовый лес. По краям аллеи стояли кривобокие подгнившие скамейки.

Из аллеи вышли в дубовую рощицу. Рада увидела ряд деревянных домиков. С окнами и без окон. С юными дубками, вросшими в ступени. С разрушенными крылечками. С выцветшими рисунками на стенах. Облезлые еноты и зайчики, когда-то весёлые, сейчас угрожающе скалились.

Рада остановилась. У неё началось страшное сердцебиение. Но как вернуться обратно, она не знала.

Казалось, в этих домиках должно что-то происходить. Что-то мистическое или преступное.

— Не бойся, ты же со мной, — уверенно сказал Руслан.

Они побродили ещё среди разрушенных домов, словно среди руин замков. Здесь не водились даже бродячие животные — не было ни бездомных кошек, ни одичавших собак. Только один раз Руслан испугнул птицу, которая вылетела из-под крыши и жутко захлопала крыльями.

— Каждый раз ощущение, что я попал в игру «Припят», — сказал Шурик.

И правда. В домиках даже остались предметы, словно наскоро брошенные людьми. Особенно жутко становилось из-за сломанных игрушек. Под ногами трещали половицы и щёлкали сухие жёлуди.

Раде представилось, как здесь кого-то прибили и зарыли за домом или замуровали в старом деревянном корпусе — спрятали под пол, прикрыв досками.

«Если со мной здесь что-нибудь случится, меня в жизни никто не найдёт. Никто ничего не узнает. А как?»

Тут только статуи подглядывают из зарослей. Они ничего не расскажут».

— О чём ты думаешь? — спросил Руслан.

«Я думаю, что здесь можно кого-нибудь убить и спрятать». Не скажешь ведь ему такое. Она промолчала.

Рада перескочила через разбитый постамент горниста и ободрала ногу о железный прут.

Руслан подвёл её к какому-то каменному выступу и посадил на каменный полукруг. Нашёл подорожник и длинную травинку. Умело привязал лист подорожника к ноге.

Потом опять протянул руки и сказал:

— Прыгай.

Ещё несколько раз он ставил её то на постамент какого-то памятника, то просто на камень, чтобы она хорошенько рассмотрела бывшие «Дубки».

И каждый раз:

— Прыгай!

Ему нравилось её ловить.

А ей, кажется, нравилось прыгать. Ни один из ровесников, особенно из её отряда, не смог бы её удержать. Они все были маленькие и слабые. У Руслана — крепкие ладони, сильные руки. Интересно, каким видом спорта он занимается? Шахматист Алёшка точно не смог бы удержать Раду.

Теперь ей нравилось, как Руслан двигается. Ведь это красиво, когда человек быстрый и ловкий, когда при движении играют мышцы.

Наконец дошли до поляны, сплошь покрытой ромашками. Высокие ромашки колыхались, как волны. Среди зыбкого ромашкового моря — деревянная сце-

на под резным навесом, будто что-то нереальное. Мираж. Девушка, которая оказалась Машей, присела на сцену и запела на английском языке. Нечто удивительное, завораживающее, похожее на старинную английскую балладу. Да, именно такие песни должны петь девушки с русалочьими волосами и бездонными глазами с поволокой.

Рада была благодарна Маше за высокий красивый голос и за слова, которых она не понимала. Совершенно не хотелось слушать сейчас про дождь на щеках и мокрые ресницы, про бабочек в груди и встречи в маршрутках. Что-то подобное любят петь девочки из отряда Рады.

Радины плечи остыли и перестали болеть. Ромашковый ветер их успокоил. Руслан тоже утихомирился и замер, уставившись на гитару. Рада пыталась незаметно разглядеть его. На его лице всё было ярко и буйно. Румянец — во всю щёку. Губы алые, горящие, как будто укушенные. Брови чёрные, как в сказках пишут — соболиные, вразлёт и прочее. Ресницы — угольные, густо обрамляющие глаза, словно на веки нанесли подводку. Девочкам придётся долго краситься, чтобы такого достичь. А тут — природа сама раскрасила.

Рада глубоко вздохнула и улыбнулась. Так хорошо было в этой компании, так светло на душе. Оранжевое солнце, ромашковый бриз, охлаждающая трава, песни эльфов на мелодию ветра. Удивительный вечер...

Вечер?

Рада вскочила.

— А перекличка уже была?

Компания засмеялась.

Руслан шикнул на друзей, и они замолчали.

Рада уже сама смогла перелезть через забор и бесстрашно прыгнула в руки Руслану. Протягивая ей руки, он как-то умудрялся тянуться к ней весь. Вот его лицо, обращённое только к ней. Вот его глаза, смотрящие только на неё. Даже его улыбка тянулась к ней, летела навстречу. С этой радостной улыбкой он легко поймал её. Осторожно поставил на землю.

На ужин как раз успевали. Раде захотелось зайти в свою комнату за толстовкой.

Возле крыльца Руслан притянул её за руку к себе, посмотрел ей в лицо, наклонился, но тут же отпустил. Возможно, она выглядела напуганной.

Но ещё более испуганными выглядели Алёшка со Светой. Они как раз выходили из корпуса, когда увидели Раду с Русланом.

— Вы встречаетесь? — спросила Света по дороге в столовую.

Рада покосилась на Алёшу и пожала плечами.

— Да так... От нечего делать.

Алёшка вдруг нахмурился и пошёл вперёд. Это было странно. Вряд ли он мог ревновать, ведь он прочно влюблён в Светку. Может, просто переживал по-дружески. А может, считал это девчачьим разговором.

После отбоя Рада никак не могла улечься, ворочалась. Плечи обжигала боль.

Не получалось примоститься удобно. Рада вспоминала о невероятной прогулке. Думала о детях в лагере «Дубки». Сколько лет назад они посещали лагерь в последний раз? Те дети наверняка уже выросли. Теперь только статуи населяют это место. Рада представила, как они строятся по ночам и стучат в каменные барабаны.

Девочки в комнате болтали какие-то глупости. О желтой руке, о вожатом-вампире, о малярийных комарах, о чёрных ведьмовских кошках...

— А мы думали, чего это ты с нами не пошла? — прорвался Светин голос сквозь бред о малярийных комарах. — Мы с Алёшкой записались в секцию спортивного туризма.

— Вы с Алёшкой молодцы, — без особой печали сказала Рада.

А ведь и правда. Она в первый раз не пошла с ними третьей лишней. И даже не вспомнила о них. И не мучилась, чувствуя себя третьим углом любовного треугольника.

В начале смены Рада совершила своеобразный подвиг ради Алёшки — посмотрела вместе с ним весь футбольный матч в холле. Она даже пыталась вникнуть в игру, но так и не поняла, кто кому забивает голы. Алёшка умный. У него в голове куча знаний, от космических дыр до греческих героев. С ним интересно что-нибудь обсудить. А с Русланом? С Русланом-то что интересно? Они ведь так и не поговорили толком.

«Наверное, мне интересно прыгать ему в руки», — усмехнулась Рада.

Ночью Рада проснулась от того, что кто-то тронул её за плечо. Подскочила на кровати. Увидела силуэт с причёской-ёжиком. Возле кровати на коленях сидел Руслан. Уже забрался в её комнату, вот шустрый! Бывало, что мальчики забирались в комнаты девчонок, но обычно с целью намазать спящих пастой. Такая древняя лагерная традиция.

— Пойдём гулять, — прошептал Руслан, нетерпеливо и радостно.

Казалось, он готов выпрыгнуть в окно, а под окном стоит конь и бьет копытом.

— Выйди, — попросила Рада.

Руслан послушался. Рада встала и быстро оделась. Лишь бы не пожалеть, что пошла...

Рада не пожалела. Ночной воздух был чистым, бодрящим. Откуда-то слышалась музыка. Сверчки подыгрывали.

Роса тут же промочила ноги, но даже это было приятно. В избушке вожатых горел свет. Раде показалось, что внутри кто-то обнимается. А может, просто танцуют. Вожатые ненамного взрослее старшего отряда, им тоже хочется повеселиться.

В темноте глаза Руслана горели ещё ярче. Вдвоём они обошли аллеи лагеря. По бокам тропинки сторожили великанские ели. Всё казалось загадочным и незнакомым. Оказывается, у лагеря была ночная жизнь. Раде и Руслану приходилось прятаться от кого-то, кто прятался от них. В свете фонаря лицо Руслана казалось белым. Он порывисто накрыл её курткой и приобнял. Рада не могла ответить, не могла понять, нравится ли он ей. Скорее, нет. Но с ним всё было необычно, как будто собираешься прыгнуть с парашютом. И всё-таки так приятно ходить в обнимку! Даже хочется петь.

Потом Рада пыталась вспомнить, о чём же они говорили. Не могли же они бродить полночи молча. Но не смогла вспомнить тему разговора. Только смеялись и пели песни.

Следующей ночью Руслан принёс ей кувшинки.

— Ты что, ходил на озеро? — испугалась Рада. — Это же опасно!

— Нет, нормально. Скажи, тебе нравится? — заблестел он глазами.

— Да.

Раду только огорчало, что кувшинки не простоят и дня, они умирают сразу, как только их сорвут. Жалко.

На следующий день Руслан принёс ей крем от ожогов и пакетик драже «Эм-энд-Эмс». Позвал поиграть в настольный теннис.

Рада не умела играть в теннис, она играла только в бадминтон.

Руслан нашёл выход. Сначала он играл с ней в бадминтон, а потом убежал на теннис. После тенниса снова к Раде.

Как-то вечером Рада проходила мимо площадки с теннисными столами. Заметила Руслана и встала неподалёку, посмотреть на его игру.

Он играл в паре с какой-то девушкой из своего отряда. Рада залюбовалась игрой. Ракетка Руслана словно была продолжением его руки. Он постоянно двигался и не пропускал ни одной подачи.

«Всё-таки красивые движения», — отметила Рада.

Сейчас Руслан был в белой футболке, которая очень ему шла. Всё было подчёркнуто — широкие плечи, чёрные волосы ёжиком, здоровый цвет лица. А может, не в футболке дело.

«Такая спортивная фигура, натренированная. Надо всё-таки спросить, каким видом спорта он занимается».

Руслан вдруг резко обернулся и увидел Раду. Он так обрадовался, что пропустил мяч.

Рада помахала ему и хотела пройти мимо, но он подскочил к ней и потащил к теннисному столу.

— Я не умею! — протестовала Рада.

— Вот сейчас будем учиться!

— Давно пора, — поддакнул Шурик и одобрительно кивнул Раде.

Мальчишки из компании Руслана предложили свою помощь, но Руслан так на всех зыркнул, что они отступились.

Руслан обучал хорошо, как настоящий тренер. Рада увлеклась. Они вместе хохотали, если Рада делала нелепые движения или паниковала, когда мяч летел на неё.

Руслан встал вплотную за спиной Рады, взял её руку с ракеткой в свою и стал показывать, как делать мах ракеткой.

— И — раз, и раз. Молодец.

У них была словно одна рука на двоих. Они двигались вместе вправо и влево, будто исполняли красивый балльный танец.

И надо же, именно в этот момент мимо площадки проходили Светка с Алёшкой.

Света хотела остановиться, но Алёшка упрямо и сердито зашагал вперёд.

Даже если бы Рада захотела подстроить такую сценку, чтобы вызвать чью-нибудь ревность, у неё бы лучше не получилось.

Решили сделать передышку. Руслан разговорился с Шуриком. Разгорячённая Рада подошла к фонтанчику с питьевой водой. Когда она подняла голову, увидела девушку из отряда Руслана. У девушки были глаза с неприятным прищуром.

— Ну не дай бог ты обидишь нашего Русланчика! Держись! Мы тебе все волосы повыдергаем.

— Кого обижу? — переспросила Рада, чуть не поперхнувшись. Для неё было удивительно, что девочки называют сильного спортивного парня Русланчиком и пытаются за него заступиться.

К фонтанчику медленно подплыла русалка Маша. Посмотрела бездонными глазами куда-то поверх девочек.

— Чего ты к ней привязалась, Натали? Руслан тебе руки оторвёт.

— Я предупреждаю на всякий случай. Руслан собирается взять её в поход. Он уже спрашивал у вожатого.

— Поход? Я ничего не знаю про поход.

— Видишь, она не знает. Может, она и не согласится, — медленно протянула Маша.

— Руслан уболтает, — снова неприятно прищурилась Натали.

Как только Маша ушла, а Рада снова склонилась над струйкой воды, назойливая девушка вдруг схватила её за свисающую чёлку. Ухватила снизу, так, что никто не заметил, и потянула вниз, к себе. Рада не могла поднять головы.

— Ты меня поняла, да, кошечка?

Рада видела, что девушка при этом мило улыбается в сторону, чтобы остальные ничего не заподозрили.

«Ничего себе! — подумала Рада. — Вот я влипла!»

От безвыходности она вдруг начала смеяться. У неё всегда почему-то так выходило. Странная реакция организма на опасность.

Натали растерялась и отпустила Раду.

— Ты чего ржёшь-то? Ничего не боишься, да? Подумай хорошо. Я предупредила!

Для Рады это был первый опыт общения с такими девчонками. Вот гадина! Наверняка она и в школе занимается травлей.

Рада не стала рассказывать Руслану про девицу из его отряда. Он выглядел ужасно довольным и планировал, что завтра снова будет обучать Раду. А мог бы просто поиграть с кем-нибудь в своё удовольствие.

Проводив её до скамейки перед корпусом, Руслан порывисто схватил её за руку.

— Ты пойдёшь со мной в поход?

— Что за поход? — Рада прикинулась, что ничего не знает.

— Наш отряд идёт за гору. Там очень красиво, тебе понравится! Там озеро. Костры будем жечь. Ночевать в палатках. Всего на два дня. Мне разрешили пригласить тебя, я уже спрашивал.

Руслан говорил отрывисто, ужасно волновался. Рада улыбалась, глядя на него.

— А я-то там зачем?

— Как зачем? Я хочу быть с тобой. Будем вместе!

Похоже, Руслан был уверен, что по-другому и быть не должно.

— Слушай... я совершенно не приспособлена к походам. Я ничего не умею. Я могу упасть в мелкий ручей и утонуть.

— Подумаешь, ручей! — возбуждённо заговорил Руслан. — Я буду перетаскивать тебя через родники на руках! Я буду...

Руслан осёкся, не зная, что ещё сказать. Он уселся на скамейку, подтащив её к себе за руку.

— Скажи: «Да!» — попросил он.

— Ну... наверное...

Он вскочил и со свистом рассёк ракеткой воздух.

— Ес-с! — выкрикнул он, снова подскочил к Раде, потянул за собой, присел на скамейку и порывисто обнял её за талию.

Раде передалась его радость. Она подумала, что нужно, наверное, обнять его в ответ. Стоя возле него, она тихонько провела рукой по жёсткому ёжику на голове,

погладила по макушке, по коротко стриженному до колкости затылку. Руслан застыл. Его вдруг передёрнуло, будто от холода. Будто он прижался к ледяной скульптуре, а не к Раде. Обычно его руки были крепкими и горячими. А сейчас ладонь стала влажной, вялой и холодной. Да ещё этот странный озноб.

Руслан отдёрнул руку и вытер ладонь о джинсы.

Раде стало смешно. Она хотела спросить:

«Что это с тобой? Лихорадка? Малярийный комар укусил?» Но вдруг поняла, что не надо. Глупо. Мало ли от чего человека так колотит. Может, переохладился на сквозняке после игры в теннис.

В этот вечер Рада долго не могла уснуть. Девчонки болтали о домовых, о каком-то Женьке-дурачке, который проглотил жука на спор, о Даньке, который тоже дурак, что влюбился в вожатую, а она любит старшего вожатого Валеру, а тот...

Раду занимали мысли о будущем походе, об искрах от костра в темноте, о тех, кто сидит возле костра плечом к плечу, и о глубоких ручьях, через которые её придётся переправлять.

В эту ночь Раде снилось, будто Руслан осторожно, шаг за шагом, переносит её на руках через бурлящую реку. Как в кино! Он несёт её уверенно, и его не знобит. Во сне не случилось ничего плохого: они не утонули и течение не унесло их в разные стороны. Они выбрались на поляну с цветами. Сказочный хеппи-энд.

Утром она проснулась в хорошем настроении. Отряд умылся, потянулся на завтрак. Алёшка со Светой после завтрака побежали играть на барабанах. Потом они будут делать бумажных змеев, потом что-то ещё. Ну и пусть.

У них с Русланом всё ещё впереди. Скамейки под елями. Прогулки по аллеям. Танцы. Поход. И — самое главное — последний костёр!

Мальчики из отряда стали относиться к Раде совсем по-другому. Раньше хихикали, подшучивали, придуривались. Сейчас относились уважительно и немного побаивались. Ну да, Рада же встречается со взрослым мальчиком. С парнем, который может дать по ушам, если что не так. Руслан зорко следил за тем, чтобы к Раде лишний раз не подходил ни один мальчишка.

— Рада, к тебе приехали! — доложил Женька, тот самый, которого обсуждали девчонки после отбоя.

— Как жук? — спросила Рада.

— Какой жук? — удивился Женька. — Я не брал! Это не я!

— Никакой... Не обращай внимания.

Рада увидела бабушку издалека и побежала к ней по аллее. Она так бежала и в семь лет, когда впервые поехала в детский лагерь, и в девять. Но тогда легко было нестись, как выпущенная стрела. А сейчас телу было труднее: тут округлилось, там налилось. Всё это как-то утяжеляло бег.

Бабушка поставила на скамейку сумку с пирожками и протянула руки для объятия. Рада притормозила и оглянулась — не увидит ли кто. Всё-таки ей уже не семь. Они вместе присели на скамейку. Бабушка с удовольствием смотрела, как Рада поедает пирожки, и выпрашивала, как дела, какие новости. Рада привыкла, что бабушке можно рассказывать всё. А самые главные дела и новости у Рады — друг Руслан.

— Бабуля, я познакомилась с мальчиком.

И Рада вдохновенно рассказала о новом друге.

— А этого куда дела? Антошку-то?

— Алёшка. Сам делся.

— А-а-а. А этот что? Хороший? Да? Вон что, спортсмен! Это правильно. А лет ему сколько?

— Пятнадцать! — почему-то с гордостью сказала Рада. Видимо, потому что сама становится автоматически взрослее и серьёзнее, раз встречается с таким.

— Вот ка-ак... Но ведь ты ещё маленькая...

— Ничего не маленькая! Я иду в поход со старшим отрядом. Мы идём с Русланом! — задрала подбородок Рада.

Вот так. Захочет и пойдёт! Сколько можно считать её маленькой?

— Угу... — задумалась бабушка, разглядывая голубую ель.

Потом она как-то странно посмотрела на Раду, заторопилась на автобус и уехала.

Рада побежала играть в теннис. Возле столов её уже поджидал Руслан. К нему тоже приезжали родители, и он принёс Раде большой мешок спелой черешни.

На другой день развернулись события, которых Рада вовсе не ожидала.

Незапланированно приехали родители. Стояли тут же, на той же аллее, возле той же скамейки с голубой елью.

Мама что-то быстро говорила. Рада запуталась в словах. Папа стоял рядом, кивал и угукал, как филин.

— Хочешь, мы увезём тебя прямо сейчас? — вдруг услышала Рада.

— Зачем? — удивилась Рада. — Мне же здесь хорошо.

— Ну ты же сама просилась.

Да, в самом начале смены она писала тоскливые письма родителям и просила забрать её домой. Как раз

в то время она поняла, что её симпатия к Алёшке не взаимна. Еда казалась невкусной, всё вокруг нагоняло тоску. Но сейчас-то всё по-другому! Она уже не писала жалобных писем.

Казалось бы, родители должны были радоваться за неё. Почему же они не рады? Почему мама смотрит так встревоженно?

Наконец мама спросила:

— Как твой мальчик? Руслан, кажется?

Ну вот... Бабушка всё разболтала, как предательница. Ну и ладно.

— Всё классно! Послезавтра мы идём в поход с ночёвкой! — вызывающе сказала Рада.

— Какая ты у меня маленькая и наивная... Ты что, не понимаешь, что нужно мальчикам в пятнадцать лет? Да ещё поход с ночёвкой. На природе, в палатке! Без взрослых.

Рада даже рот раскрыла. При чём тут палатки? Они и так на природе, практически без взрослых. Кто тут взрослые? Вожатые? На днях вожатая малышей закрутила роман с парнем из первого отряда.

— Но ведь палатки мальчиков и девочек — отдельно, — оправдывалась Рада.

Но мама смотрела каким-то взрослознающим взглядом. Знающим то, чего она, Рада, не знает.

— Ты что, не знаешь, ЧТО в этих лагерях происходит?

— Тогда зачем вы меня отправили сюда, раз тут ЧТО происходит?

Мама замолчала. Папа перестал угукать. Они посмотрели друг на друга, будто молча посоветовались.

— Давай мы всё-таки заберём тебя, — настаивали родители. — Прямо сейчас.

Рада наотрез отказалась. Она расстроилась до слёз. Ну что они вообразили, эти родители? Почему они так плохо думают про всех? Да ещё и про свою дочь. Рада попыталась успокоиться. Сейчас самое главное, чтобы её не забрали домой.

— Всё будет хорошо. Я не пойду в этот поход, — обещала она.

Они немного посомневались, но поверили и уехали.

Рада побежала переодеваться. Скоро начнётся дискотека!

«Ну сейчас, конечно! — думала она по пути. Брошу я мечты о походе. Как я отпущу Руслана одного, раз он хотел со мной? А родители ничего не узнают».

Для сегодняшней дискотеки Рада достала персиковое платье с воланами. Она его ни разу не надевала. Обычно Рада ходила в джинсах, в бриджах, в широких шортах или спортивных брюках. Но сегодня — платье! Девчонки восторгались и заставляли покрутиться. Кажется, даже у Алёшки отвисла челюсть. Вот так, будет знать, кого потерял. Юбка у платья была короткая и пышная. Рада казалась чайной розочкой на тонком стебле. Ноги у Рады были тоже аккуратные, выточенные ровно, по тому же идеальному лекалу. Ещё Рада надела цепочку с кулоном-сердечком и крупные серьги-кольца. Каштановые волосы немного отросли, длинная чёлка на солнце отливала рубиновым цветом.

Рада выпорхнула на улицу, навстречу розовеющему солнцу — невесомая, только что распутившаяся роза. Руслан уже стоял возле корпуса, поджидал, чтобы пой-

ти вместе на дискотеку. В руках он по привычке крутил длинный гибкий прут.

Увидев Раду, он замер. Потом восхищённо присвистнул.
— Вот это да! Ни фига себе! — вырвалось у него.

В порыве мальчишеского восторга он изо всех сил рубанул прутом воздух, как саблей. Прут издал свист и треснул пополам.

Рада остановилась. Она вдруг ощутила страх и неприязнь. Как он странно смотрит... Горящий взгляд. Сокол-охотник.

Она вспомнила, как он на неё смотрел всё это время. Как-то... жадно. Вспомнила даже тот его странный озноб, которому она так и не нашла объяснения.

Руслан подошёл к Раде и с улыбкой протянул ей руку, но она вдруг отскочила в сторону. Руслан растерянно усмехнулся.

— Чего ты?

Гордо подняв голову и тряхнув чёлкой, она сказала:

— Я не пойду с тобой.

— Ты не хочешь танцевать? Ну давай не пойдём. Пошли прогуляемся тогда. А?

— Нет! Я никуда не пойду. И... в поход я с тобой тоже не пойду.

— Почему? — удивился он. — Я уже со всеми договорился. Машка берёт тебя в свою палатку. Ты же Машку знаешь.

Рада пыталась справиться с дрожащим голосом. Даже серьги у неё в ушах дрожали от негодования.

Руслан снова шагнул к ней.

— Потому что! — коротко ответила Рада и отступила. — Знаю я тебя! Знаю, что тебе нужно.

Последние слова она почти выкрикнула в каком-то порыве отчаянного гнева.

И пошла, в своих туфельках и пышной лепестковой юбочке. Правда, далеко она не ушла, потому что ноги вдруг онемели, да и на каблуках непривычно ходить.

— А что мне нужно? Да подожди ты! — Он догнал её и попытался ухватить за руку.

Она резко отдёргнула руку.

— И даже не подходи ко мне. Вообще! Чтобы я тебя больше не видела! Понял?

Руслан перестал улыбаться. Взгляд его из растерянного стал злым.

— Я что, какой-то не такой? — процедил он сквозь зубы.

Рада развернулась и ушла твёрдой походкой девочки, знающей себе цену. Так ей казалось.

Руслан... Он должен был побежать за ней, что-то объяснить, о чём-то просить, стараться её удержать. Так считала Рада. Но Руслан остался на месте, словно прирос к земле.

Не выдержав, она обернулась.

Он стоял ошарашенный и бледный. Глаза горели тёмной яростью. Ух, какой! Взгляд прямо дьявольский. Точно, как у Демона с картины Врубеля.

Рада успела увидеть, как Руслан пришёл в бешенство. Пнул камень. Переломил очередную ветку. Зашвырнул её в кусты. Достал из кармана теннисный шарик и раздавил его. Теперь она была уверена, что он не может держать себя в руках.

— Вот псих! Знаю я его! Всё знаю!

Дискотека прошла как обычно. Рада быстро устала. Руслана она не видела. Ее красивое платье не принесло ей радости и стало тяжелым, словно кольчуга.

Не увидела она Руслана и на следующий день.

К Раде приходила Маша с гитарой. Садилась на кровать и пела милую незамысловатую детскую песню. Рада подпевала.

Зайчики солнечные,
пропали зайчики солнечные.

Иду по городу, как во сне,
а их всё нет.

Тучи проклятые, куда вы
зайчиков спрятали?

Верните мне моих зайчиков,
Они мои!*

Маша осторожно спрашивала Раду, не передумала ли она насчёт похода. Сказала, что Руслану очень плохо, он очень обижен на что-то и бесится. А так как сам он слишком гордый, то Маша вызвалась уговорить Раду. Руслан согласился и теперь ждёт, с каким ответом придёт посланница Маша.

Маша принесла ему ответ: «Нет».

Первый отряд ушёл в поход с ночёвкой. Без Рады.

Рада сидела в одиночестве на скамейке и читала. Ничего, когда Руслан вернётся, он же соскучится. Будет убеждать её, что всё не так, как она думает. А что она думает?

Мальчишки из отряда Рады пытались с ней заигрывать. Садились на скамейку, болтали ерунду. Скучно. Рада послушала анекдоты и ушла в комнату.

---

*Текст песни Ирины Зимы.

Первый отряд вернулся. Руслан не объявился. Рада ждала. Не было ни Руслана, ни посланников от него.

Рада уходила в глубину аллеи, садилась на скамейку под ель и читала. Не читалось...

Возле этой ели её встретили Маша и Шурик.

— За Русланом девчонки только так бегают. Похоже, ты его теряешь, — сказала Маша.

— Значит, и терять нечего, — ответила Рада и приняла заносчивый вид.

— Ты про Наташку, что ли? — встрял Шурик. — Да ну, это не считается, это он просто от отчаяния... Что любовь не взаимна.

Маша наступила Шурику на ногу и мило улыбнулась.

Шурик виновато замолчал.

Надо же, деликатные какие...

Быстро Руслана успокоили. Натали это та неприятная девка, которая дёрнула Раду за волосы. Значит, и правда. Ему всё равно, лишь бы какая-нибудь подвернулась под руку.

Исчезли солнечные зайчики...

Иду по городу как во сне...

Рада задумалась и не заметила, как дошла до забора возле запретной черты. Легко перелезла через забор на чужую территорию.

Улицы скверные
Меня опутали скверами,
Мне моих зайчиков
Уж не найти...

Рада гуляла по бывшей аллее среди бывших статуй и всё искала оправдания себе. Искала доказательства тому, что мамины слова — правда. Мама ведь знает... что-то. Да ведь он Раде по-настоящему и не нравился. Рада прокручивала в памяти встречи с Русланом и старалась найти в них что-нибудь противное.

Но когда стараешься, не получается, как назло. В глазах возникал яркий спортивный парень, который любил держать её за руку и ловить.

В конце заросшей аллеи Раде показалось, что за ней кто-то идёт. Травы приглушали чьи-то крадущиеся шаги. Рада в страхе обернулась. На неё с удивлением уставились белые глаза статуй.

Рада ускорила шаг, а потом побежала через всю аллею к железной изгороди. «Прибьют и закопают!» — стучало в голове у Рады. Перелезая через железные прутья, она чувствовала, как бьётся сердце. Казалось, оно сейчас выскочит и наколется на острое копьё изгороди.

До последнего костра осталось два дня. Он ведь должен подойти, должен. Руслан, где ты? Но, как назло, она его ни разу не встретила. Как же так? Раньше постоянно пересекались. А сейчас как отрезало.

Да ведь постоянно пересекались не случайно. Это он всегда оказывался рядом, искал встречи. Рада хотела сходить к теннисной площадке, но остановила себя. Надо же, гордый какой. А она что, без гордости? Если бы она ему по-настоящему нравилась, пришёл бы.

За ужином Света весело объявила:

— А мы с Алёшкой решили остаться на вторую смену.

— Молодцы вы с Алёшкой, — через силу улыбнулась Рада.

Она посмотрела на Свету и Алёшу, сидящих перед ней. Они были похожи, как брат с сестрой — худенькие, белобрысенькие, с умными и честными глазами. Сейчас они казались Раде совсем маленькими.

На последнем костре почти все были парами. Даже какие-нибудь малявки. А Рада одна. Она любовалась на гигантский костёр, уходящий в небо. Походила между компаниями, распевая песни. Кто-то плакал и не хотел прощаться. Кто-то невыносимо громко и счастливо смеялся. Кто-то обнимался и целовался на виду у всех — да ладно, последний день, всё можно.

Рада под села к девочкам из своего отряда. Говорили про шаровую молнию. Что она появляется в поле, как огненный шар. А потом летит за человеком и преследует его, пока не убьёт током. И даже может влететь в форточку.

Рада улеглась на коврик-пенку и стала рассматривать созвездия. Почему-то все созвездия были похожи на стрелы.

К девочкам под села начальница лагеря и запела под гитару старую песню. Видимо, из своей детской жизни.

Ты помнишь лагерь,
ты помнишь эти ели
И ту скамейку, где мы с тобой сидели.
И наше счастье слегка нам улыбалось,
И мне казалось,
что ты ко мне прижалась.*

Рада поёжилась. Эту костровую ночь она могла бы провести с Русланом. Он накрыл бы её своей курткой.

---

*Бардовская песня, автор неизвестен.

Они бы немножко, совсем чуть-чуть, пообнимались. И счастье улыбалось бы им. Слегка.

Нужно обязательно всё исправить завтра! Другого случая не будет. Ведь завтра они разъедутся навсегда, навсегда. Они не знают ни номеров телефонов друг друга, ни адресов. В конце концов, она сама может подойти к Руслану и объяснить.

Он поймёт... Что поймёт? Что она объяснит?

— И, припев! Девочки, подпевайте!

О, это было давно, я сам себе не верю,

Вместе ходили в кино,

и в это я не верю.

Вместе по лагерю шли,

и все на нас смотрели.

Но это было, всё было в самом деле!

Рада оставила нестройно поющую компанию и пошла в свой корпус. Одна. Ей показалось, что её преследует шаровая молния. Вон она, красный шар в поле! Рада старалась не оглядываться.

В комнате Рада открыла окно. Пусть залетает шаровая молния. Хоть три.

Никто не шептался про кошек, малярийных комаров, черные гробы и жёлтые руки. Глаза у Рады слипались, ресницы были мокрые, как в девчачьих песнях. Уснула быстро.

Настало утро после последнего костра. Рассаживались по автобусам. Рада стояла с сумкой возле автобуса и чего-то ждала. Или кого-то. Их второй отряд должен был ехать вместе с первым.

Зря она так с Русланом. Он же не виноват, что взрослые думают что-то своё. Надо обязательно увидеть его и хотя бы попрощаться по-хорошему. Да. Пусть они прощаются как ни в чём не бывало. Пусть!

Вдруг Рада увидела, как Руслан запрыгивает в другой автобус. Он повернулся спиной, но она-то узнала эту спину! Эх, Рада так и не спросила, каким видом спорта он занимается!

Девочка с прищуренными глазами, эта Натали из его отряда, подошла к ней и ехидно сказала, что Руслан специально поменялся с кем-то, чтобы ехать в другом автобусе.

— Ничего себе, как сильно обиделся...

— У него всё сильно, — сказала Маша, откидывая назад русалочьи волосы. — И любовь, и ненависть, и обида.

— Да, похоже на то, — через силу засмеялась Рада и подёрнула плечом. — Ну что поделаешь?

Рада вошла в автобус, выбрала место у окна и затихла. Смотрела, как прощаются-обнимаются другие.

В автобус влетела Светка. Нашла Радку, обрадовалась и крепко, по-детски, обняла её.

— Я тебе позвоню, подружка!

Рада тоже обняла её. Хотелось хоть кого-то обнять.

— Мы тебе вместе позвоним! С Алёшкой! — пообещала Светка.

Ох, вот этого можно было не добавлять...

Автобус тронулся. Ехали весело, пели песни. И новые, и старые.

Ты помнишь лагерь,
ты помнишь эти ели.
И ту скамейку...

Никогда он её не простит.

Где мы с тобой сидели.

Она только сейчас поняла, как сильно обидела человека. А за что? За то, что наговорили взрослые.

Всё было в самом деле...

Другой автобус увозил Руслана далеко, неизвестно куда.

А может быть, это и есть её первая любовь? У неё больше никогда такой не было и больше не будет. Если не считать любви к десятикласснику в школе, да ещё в санатории в прошлом году, и ещё... Но это было уже давно. И вообще не считается.

Потом, уже дома, она искала его в интернете. И фамилию, и имя. Фамилию ей сказала Маша. Шагалов Руслан. Не нашла. А может, Шагаев? А может, Шагов? Не нашла.

Ну, допустим, она найдёт его страницу или телефон. А что она ему скажет? Что напишет?

«Руслан, я — Рада»?

Как ни странно, у неё остался номер телефона Шурика. Рада позвонила Шурику, хотела выпросить про Руслана. Ведь наверняка они общаются, они же друзья.

— Нет, я про него не знаю, — сказал Шурик. — Кстати, хорошо, что позвонила. Я хотел тебе сказать... Давай встречаться? Ты мне ещё в лагере понравилась.

— Чего? — опешила Рада.

— Знаешь, это я... следил за тобой в заброшке. Там, в «Дубках».

Рада нажала отбой. Щёки горели от возмущения.

***

Светка позвонила в начале августа.

— Ну что, вы с Алёшкой остались ещё и на третью смену? — засмеялась Рада.

Она уже успела съездить с родителями на юг, потом пожить на даче. Успела позабыть Алёшку. Руслана вспоминала редко, память выдавала только светлые кадры. Сейчас лагерь был от неё как-то очень далеко. Воспоминание о нём — как выцветший рекламный щит на отрезке пути, который она проехала.

В ответ в трубке раздались всхлипывания и возмущения.

— Что случилось?

Светка рассказала. Они с Алёшкой не расставались две смены подряд. Все знали, что они — пара. Они даже вместе собирались поступать в колледж после школы. Алёшка жил в пригороде. Внезапно он перестал ей звонить и отвечать. Потом совсем пропал. «Абонент недоступен». Переполошённая Светка, как верная подруга, помчалась к Алёшке за тридевять земель. Адрес тридевятого царства она знала. Завила волосы, принарядилась как принцесса. Вместо путешествия в карете мучительная четырёхчасовая тряска в душном автобусе.

Светка притащилась к Алёшке домой. Алёшка нехотя выполз на площадку из квартиры, очень удивился. Нет, даже смутился. И даже маленько испугался. Спросил, зачем приехала. Умничал, что без приглашения в гости не приезжают. Разговаривал возле дверей. Продержал её на лестничной площадке минут двадцать. Извинился и сказал, что некогда. И даже до кареты не проводил...

— А я волосы завила! — зачем-то повторила Светка. Видимо, это было важно.

Представив эту картину, Рада громко присвистнула. Сама не ожидала.

Рада успокоила Светку как могла. Действительно, если приезжаешь без приглашения, бывают такие ответные сюрпризы. Человек не успевает морально подготовиться.

Ей очень хотелось сказать Светке, что тут всё ясно. Он больше не хочет её видеть. Дура, что потащилась. Дура, что волосы завила.

Но пусть лучше Светка поймёт сама. Потом.

Отключив телефон, Рада еще раз присвистнула. Громко, по-разбойничьи.

— И где же это я научилась свистеть? — удивилась она и вспомнила.

Руслан научил! Ну хоть что-то осталось на память! На добрую, ничем не омрачённую память!

СВИДАНИЕ ПОД ПРИСМОТРОМ

Ехали в поезде всем классом. Возвращались из Волгограда. Провести ночь в поезде с шумной компанией, когда вовсе не хочется спать и сидеть по местам, а хочется болтаться в чужих купе, забираться на полки, шептаться... Ух, здорово! Последняя ночь на свободе, без родительского присмотра.

Устанешь от болтовни, выйдешь в конец вагона постоять в одиночестве у приоткрытого окна — увидишь своё задумчивое отражение среди бегущих огоньков. И в глазах отражения тоже огоньки. Нет, звёзды!

Так вот, ехали... Мимо уже проплыла грандиозная монументальная статуя с мечом. А, нет, сначала не еха-

ли. Сначала бегали по музеям и памятным местам. Вот с чего началось. Вместе с их группой, сборником из девярых классов, носилась по историческим местам группа постарше, из другой школы. Но почему-то у этих, старших, были те же экскурсии в то же время. Вот судьба! Ну при чём тут расписание экскурсий? Судьба, это же понятно.

И в этой толпе из чужой школы был парень. Лет семнадцати, голубоглазый такой, высокий. Волосы такие волнистые. Немного похож на Фродо Бэггинса, но гораздо выше. Нет, это необъяснимо. Не с этого надо было начинать...

Камилла шла со своей компанией. Тот парень — со своей. Вдруг где-то на Аллее Героев, встретились. Выхватили друг друга из толпы. И всё. И ВСЁ, понимаете? Кто такое поймёт? Тот, с кем это было. Столкнулись, удивились, оглядели друг друга. Будто сделали открытие. И разошлись. Но с тех пор этот почти-Фродо попадался Камилле постоянно. Он не сводил с неё глаз. Вот идёт она, с девчонками болтает, на подружку смотрит или просто под ноги, вдруг чувствует на себе чей-то взгляд. Она поднимает глаза. Он! Ну бывает же такое! А перед этим у неё шея горит и затылок тихонечко покалывает. И она уже знает: это он смотрит.

Почему-то она чувствует его взгляд. Вот что это? Поток энергии? Связи электрических сигналов? Непонятно.

Так случается несколько раз подряд. И, кажется, оба уже понимают, что друг от друга им не уйти. Она чувствует его приближение. Он ищет её в толпе и впивается взглядом. Держит взглядом, держит. Боится выпустить из поля зрения, выворачивает шею. Почему же он к ней не подходит?

Ну, они друг друга ещё не знают. Он должен убедиться, что она тоже обращает на него внимание. Он, возможно, стесняется. Она тоже не может проявить инициативу. Тем более ей вбили в голову, что девочка первая не должна подходить к мальчику — неприлично.

А потом она как-то так улыбнулась, что он пошёл ей навстречу. Улыбка открывает все дороги.

Это было на Мамаевом кургане, на мистической высоте. Сюда тянуло завоевателей всех времён. Здесь до сих пор витает дух множества смертей, дух погибших солдат. Но, несмотря на это, склон казался Камилле умиротворяющим священным местом.

Тут, на Мамаевом кургане, неизвестный мальчик поймал её улыбку, отразил её и пошёл ей навстречу, будто подгоняемый ветром с Волги. Мальчик при этом был такой счастливый: почти Фродо, звёзды в глазах. Им осталось только подойти друг к другу и начать разговор. Обменяться номерами телефонов. Почему нет? И тут возникло оно — препятствие. И оба друг от друга отпрянули.

Но был ещё один день экскурсий, и снова этот мальчик пошёл Камилле навстречу. Кажется, возле памятника старому трамваю. Трамвай — красный, и куртка у Камиллы красная, и длинный красный шарф с драконами. С тех пор как она стала встречать почти-Фродо, Камилла вставала пораньше, чтобы успеть сделать причёску, подкрасить ресницы, выбрать одежду поярче, подобрать серьги.

Но возле трамвая снова возникло препятствие. Препятствие всё время возникало в виде Глобуса. Глобус — классная руководительница Камиллы. Она вставала между парнем и девушкой и разбивала их романтичес-

кие мечты. Она смотрела на обоих, как коршун, готовый напасть на пару лебедей.

Во время последней совместной экскурсии упрямый парень всё-таки умудрился обойти учительницу и её свиту в виде учеников. Это было в холле краеведческого музея, где разойтись особенно негде.

— Можно тебя на минутку? — спросил он Камиллу. — Давай познакомимся. Ты мне нравишься. Очень.

Он мог бы этого не говорить, она и так поняла, у него же на лице всё написано. Он смотрел на неё, не скрывая восхищения.

Камилла ещё не успела надеть куртку. Она была в джинсах-скинни и в худи любимого мятного цвета. Этот летний цвет светился в глазах Камиллы и делал их почти бирюзовыми.

Камилла собралась ответить.

— Молодой человек! — резко и противно закричала учительница так, что гардеробщица уронила чью-то куртку.

Камиллу и почти-Фродо оттащили друг от друга в стороны, как будто их брали в плен разные племена. Потом их развели по разным автобусам и развезли по разным гостиницам.

Но если уж судьба, то судьба, ничего с ней не сделаешь. В день отъезда эти двое всё-таки встретились, уже на вокзале.

Почти-Фродо опять вынырнул откуда-то и подошёл. И глаза его по-фродовски сияли. И Камилла улыбнулась ему, уже как знакомому. И опять они услышали клёкот злого коршуна, как из страшной сказки:

— Молодой челове-е-ек... Что вам нужно от моей ученицы?

Но молодому человеку уже было всё равно. Плен так плен. Казнить так казнить.

— Хочу познакомиться, — честно сказал он и не сдвинулся с места.

Тогда Глобус решила остаться в стороне. Деликатно отошла на три шага. Видимо, её покорила честность влюблённого.

За время, данное этим двоим, они успели обменяться именами.

— Камилла.

— Фёдор. (Так и есть, почти Фродо. Фрёдор.)

— Ты из какой школы?

— Из тридцать восьмой.

— А я из двадцать пятой, это в другом районе.

Тут Камиллу потащили за локоть. Парень смотрел вслед. Он теперь знал номер её школы! Он был уверен, что разыщет её.

Классы загрузились в вагоны. Камилла с грустью думала, что найти её в такой огромной школе — это надо быть героем, а герои, скорее всего, давно перевелись.

Но мальчик оказался из породы романтических героев. Непонятно как, но он всё-таки отыскал её в поезде. Не стал откладывать до приезда в город. Видимо, ходил по всем вагонам или проследил, в какой из них утрамбовали группу девятиклассников.

Камилла в это время болтала с подружками. В купе по соседству ребята играли в дурачка, в крокодила, ещё в какие-то игры. Было ужасно шумно. И вдруг он. Залетает в купе, увидел, глаза горят. Нашёл! Разулыбался.

— Камилла! Можно тебя на пару слов?

Она не знает. Она молча встаёт с места.

Девчонки притихли и смотрят. Ждут, когда можно будет пошептаться.

— Давай выйдем? — просит Федя-Фродо. — Выйдем в тамбур, поговорим спокойно.

Он смотрит на неё умоляюще, но в то же время уверенно. Он намерен добиться встречи. Ему хочется узнать о ней как можно больше. Адрес, телефон, что-то ещё.

И тут снова возникает оно — препятствие.

— Можно, но только если со мной! — встревает Глобус.

А ему уже всё равно. Он счастлив. Пусть хоть с училкой, но ведь свидание. Свидание разрешено!

Камилла и Фёдор идут в конец вагона. Глобус замыкает шествие. Почти конвой. По дороге Глобус натягивает на себя шаль. Ажурную такую, пуховую. Она мёрзнет, она всё-таки старушка. И Глобус закатывается вместе с парочкой в тамбур в своей тёплой старушечьей попоне.

Пара встаёт по одну сторону тамбура, а Глобус — по другую, возле окна. Глобус не сводит с них глаз и прислушивается, поплотнее закутавшись в свой саван. Поезд трясётся, но Глобус терпит, держится за поручень припухшей морщинистой рукой.

Время свидания пошло.

Камилла и Фёдор тихо переговаривались. Фёдор не мог отвести взгляда от своей симпатии. Она отвечала на его вопросы. Как учится, чем увлекается, какую музыку слушает. Где и во сколько можно её встретить. Они уже начали планировать, в каком прекрасном месте можно погулять.

Камилла честно старалась не обращать внимания на своего конвоира. Но в тамбуре не так много места... Камилла всё время чувствовала какую-то тревогу. Почему-то её ужасно беспокоила эта шерстяная накидка.

Портила романтическое настроение, это понятно. Но было что-то ещё...

Фёдор о чём-то спрашивал Камиллу и улыбался хоббитовской улыбкой. Он явно любовался ею и мог расспрашивать бесконечно. Камилла прослушала последний вопрос. Телефонами уже обменялись, музыку обсудили, о чём он мог спросить? Камилла чувствовала нарастающее раздражение из-за серого шерстяного треугольника, который видела боковым зрением. Она вдруг перестала слышать слова героя. Ясные фродовские глаза уплыли в туман. Осталась только эта шаль. Она как сеть. Тяжёлая шершавая сеть, которая ловит свободных легкокрылых птиц.

Внезапно в середине разговора Глобус подошла к ним, мелко семеня ногами и покачиваясь.

Камилле показалось, что она сейчас объявит: «Свидание окончено!»

Но Глобус вдруг сняла с себя мышастую шальку и сказала Камилле: «Тут очень дует, накройся-ка!» И — раз — накинула на неё пуховую сеть.

Камилла была в ужасе. Она онемела. Она представила себя пойманной птицей, которой вдобавок набросили на голову толстый светонепроницаемый платок. Душный, колючий. Камилла в джинсах и красивой розовой толстовке. А тут — жуткое серое покрывало! Она почувствовала себя старухой. Оцепенев, она не посмела сбросить с себя колкую сетку, а вынуждена была в ней остаться. Смирилась, как заколдованная Софи из «Ходячего замка». Так и стояла, закутанная и запутанная.

Голубоглазый герой почти-Фродо потерял нить разговора. Ей показалось, что он как-то странно смотрит на

неё, будто не узнает. Она что, настолько изменилась из-за шали? Она стала уродливым страшилищем?

Стоять так дальше было невыносимо. Камилла молчала.

— Э-э-э... Ну ладно. — Фёдор, кажется, и сам спешил попрощаться. — Увидимся!

— Ладно, пока...

Камилле ничего не оставалось, как гордо выпрямиться и холодно попрощаться. Она понимала, что ей нужно показать перед учительницей свою благоразумность. Нет, она не вешается парням на шею, особенно в поездах.

Федя-Фродо ушёл с растерянным видом. Дважды рассеянно попрощался.

Вернувшись в вагон, Камилла сразу сбросила с себя проклятую накидку и процедила, чуть не плача:

— Спасибо.

Вот уж действительно спасибо! Всё свидание испортила! Бесит эта шаль, бе-сит!

Камилла плюхнулась на сиденье. Девочки продолжали шептаться. Появилась новая тема.

— Вон та, видишь, Ленка. Из соседнего класса. На верхней полке. Видишь, у неё на руке шрамы?

— Ага, и что?

— Она резала руку. Прикинь!

— Да ты что-о-о-о? Из-за чего это?

— Из-за несчастной любви.

— Да ты что?

— Вон он, в соседнем купе, на боковом месте. В клетчатой рубашке. Носки ещё дырявые.

Камилла вгляделась в весёлого лохматого парня из соседнего купе. Это и есть «несчастливая любовь»? Парень ржал с повизгиванием, как жеребёнок. Он так разевал рот, будто хотел показать все свои пломбы. Навер-

няка он и не знает о Ленкиных порезах. А если знает, то что? Гордится? Всем треплет? Явно не печалится.

Резать себе запястье из-за косматого визгуна в дырявых носках! На героя он не похож. А может, и не было этого вовсе... Может, эти лиловые следы от тугих браслетов?

Ей стало жалко Ленку, про которую такое говорят. И если это правда, ещё жальче. Да, дура. Ну и что? Дур тоже жалко. У мальчишки — смех, а у Ленки — шрамы и сплетни.

Камилла мельком выглянула в проход вагона. В поезде уже погасили свет, а Глобус всё моталась туда-сюда, следила за всеми, всматривалась в темноту, заглядывала на верхние полки. Все ли на местах? Целы? Нет ли кого на чужом месте?

Опять она зачехлилась! В этой бесячей шали так и ходит!

«Да ведь она нас оберегает. От вот этого всего... — вдруг подумала Камилла. — От этих шрамов на руках, на сердцах. Она боится за нас, эта старая учительница... Назначила себя нашим ангелом».

Камилла ещё долго думала о разных ангелах в виде людей.

Ну такой уж к ним приставлен хранитель — пухлый и в морщинах. Таких не рисуют на картинах. А то, что он в шали, — ну мало ли — крылья мёрзнут. Поизносились. Всю жизнь бегай за всеми, присматривай...

НИЛЫЧ

Река делала крутой поворот. На обрывистом левом берегу, подступив к самому его краю, возвышались огромные сосны. Они отражались в неподвижной глади реки густой зелёной стеной. Правый же берег был более пологим. Здесь, на всём видимом пространстве, буйно разросся ивняк пополам с иван-чаем, над которыми легко возвышались белые колонны берёз.

— Па, подгробай вон туда! — крикнул Мишаня, указывая рукой на еле заметную тропинку, ведущую в тенистые заросли.

Резиновая лодка послушно свернула в указанное место. В достаточно прозрачной воде было хорошо видно, что глубина здесь немалая. Берег под крутым углом резко и почти отвесно уходил в тёмную глубину. Они выбрались на берег, с удовольствием разминая застоявшиеся мышцы ног. С интересом осмотрелись.

— Да, сынок, пожалуй, здесь и остановимся на ночь. А завтра утречком подёргаем окушков, во-о-он у того тростника, — кивнул отец в сторону противоположного берега. — Сдаётся мне, что есть он там. По крайней мере, будь я на его месте, то непременно бы водился только в этом тростничке.

— Так в чём же дело, папа? — и сын, упёршись обеими руками в широкую отцовскую спину, попытался столкнуть его в воду. Но Александр Петрович будто был готов к такому обороту. Он сейчас же нагнулся вперёд, и Мишаня неожиданно оказался беспомощно лежащим на отцовской спине. Отец быстро отставил правую ногу в

сторону и резко крутнулся всем корпусом влево. Незадачливый сынок, подняв фонтан брызг, со смехом шлёпнулся в спокойную до того гладь реки. — Ну не хочешь, как хочешь! — выкрикнул он, смеясь и отфыркиваясь. — Я тогда и один сплаваю, — и быстро поплыл на середину реки. Отец мощным рывком вытащил лодку на травянистый берег. Затем сбросил в неё шорты и кинулся за сыном вплавь.

Вдоволь накупавшись и надурочившись, отец и сын Карелины отправились обживать незнакомый берег. Полузаросшая тропинка привела их к довольно внушительных размеров яме, на дне которой были аккуратно установлены две крепкие скамьи. Между ними виднелись следы кострища, за которым был основательный стол, сколоченный из широких, гладко обструганных досок. Приглядевшись, Александр Петрович понял, что обе скамьи были сделаны из одного мощного бревна, распиленного вдоль по всей его длине. Они молча уселись.

— Да уж, — выдохнул Мишаня, похлопывая ладонью по нагретому солнцем сиденью. — Постарался кто-то здесь не слабо. — Над их головами, по краю ямы, густо столпился молодой ивняк и три берёзы лениво шелестели листвой. — А нас отсюда хозяева не попрут? — оглядываясь, спросил сын.

— Судя по всему, здесь уже давненько никого не было, — ковырнул плотно слежавшуюся золу кострища полусгоревшим сучком Александр Петрович. — А сейчас давай-ка перенесём поближе лодку и вещи.

— Сиди, па, я один всё сделаю. — И Мишаня, насвистывая что-то, исчез за стеной иван-чая. А Карелин-старший отправился на поиски дров. Как оказалось, этого

добра было много. Буквально в двух шагах от их пристанища им была обнаружена огромная, сухая валежина. Взяв топор, он быстро наготовил кучу дров.

— Нам тут на два дня топлива хватит, — заявил сын, критически оглядев ворох нарубленного сухостоя.

***

Ужин обещал быть «царским». В большой миске дымила картошка, сваренная в мундире. Рядом в такой же миске лежали крупно порезанные помидоры и огурцы, купленные вчера по случаю во встретившемся им по пути дачном посёлке. Сочно зеленели укроп, петрушка и перья лука. Но почётное место на столе занимала солидных размеров щука, запечённая на углях в фольге. Её сегодня утром Миша поймал на спиннинг. Речная разбойница успела оборвать лесу. И если бы не отец, вовремя подставивший сачок, долго бы пришлось сыну рассказывать своим друзьям о невероятно огромной щуке, унёсшей любимую блесну.

— Божественно, — изрёк старший Карелин, полужакрыв глаза и шумно втягивая носом горячий аромат, исходящий от рыбы.

— Постой, па, — Мишаня кинулся к рюкзаку и достал цифровую камеру. — Нам же надо фиксировать некоторые моменты путешествия. А то мамуля не поверит ни одному нашему слову.

Отец молча взял самый большой нож, в другой руке у него была зажата вилка, и устремил алчущий взгляд на накрытый стол.

— Отлично, па! — Камера полыхнула яркой вспышкой. И будто подчиняясь этой маленькой молнии, в отдалении послышались раскаты грома. Карелины разом

взглянули вверх. Из-за реки на них надвигалась огромная тёмно-фиолетовая туча. Она походила на медведя, вставшего на задние лапы. Гигантский зверь возвышался над соснами. Казалось, что он готовится скакнуть через реку. И тут полыхнула уже настоящая молния и будто рассекла грозно зависшую тушу. Лохматая голова и часть плеча под напором ветра стали медленно отделяться от туловища.

— Что будем делать, папа? — спросил, глядя на тревожно зашумевшие под порывом ветра кроны берёз, Миша.

— Скорее давай тент! — азартно скомандовал отец. — Иначе, сынок, пропал наш ужин.

Они быстро развернули непромокаемую ткань тента, подарок друзей отца, привезённый не то из Швеции, не то из Норвегии. Тент был добротным, компактным и лёгким. У него имелось множество «липучек», шнуров и застёжек. Очень кстати пришлись и три берёзы, стоящие по сторонам их приюта. За пару минут укрытие было надёжно привязано, пристёгнуто к их стволам. Свои пожитки Карелины накрыли перевернутой лодкой. И вот будто дождавшись своего часа, по натянутой ткани упруго забарабанил дождь. Довольные своей сноровкой, отец и сын уселись было за стол. Опять сверкнула молния, следом тут же раскатился гром. И сразу после его раската Карелины услышали:

— Можно мне к вашему костру, люди добрые?

Они разом оглянулись. С тропинки к ним под раскинутый тент шагнул высокий старик. Но что это был за старик: длинная, серого цвета рубаха, подпоясанная витым шнуром, и просторные штаны, заправленные в невысокие начищенные сапоги с низкими голенищами. Однако не наряд поразил путешественников, а густая

белая борода и такая же густая шевелюра. В правой руке, он, словно посох, сжимал связку из двух удилиц. Одним словом — Дед Мороз на летнем отдыхе.

— Проходите скорее, а то промокнете, — засуетился Александр Петрович, подбросив в затухающий костёр сухого хвороста.

Старик степенно поклонился, благодаря за приглашение. Аккуратно пристроил свои удочки за скамьёй Мишани. И присел поближе к огоньку.

— Да вы к столу, к столу присаживайтесь, — указал ему место Карелин.

Гость не отказался. Александр Петрович, по своей натуре человек общительный, был рад новому собеседнику. Покопавшись в своём рюкзаке, он достал плоскую бутылку и две металлические походные стопки. Наполнил их. Отрезал гостю кусок щуки, положив его на пластиковую походную тарелку.

— Ну, давайте за знакомство, дедушка, — сказал он, поднимая свою стопку.

— Вообще-то я не любитель этого, — улыбнулся дед, — но с хорошим человеком можно и опрокинуть чарку.

Они чокнулись и выпили. Дождь мерно стучал по крыше, шуршал в листве берёз, а в их убежище было тепло и сухо. Уютно потрескивали дрова в костре. Старик неспешно закусывал рыбой с картошкой. Прожевав, он спросил:

— Как звать-величать вас, люди добрые, и из каких краёв к нам пожаловали?

Карелины представились.

— Ну, а меня Федот Нилычем кличут, а можно и просто Нилыч.

От второй «чарки» гость наотрез отказался.

— Быть посему, — торжественно, но с ноткой сожаления возгласил Александр Петрович. — Раз уж вы отказываетесь, то я буду солидарен с вами.

— Так что же всё-таки привело вас из Москвы в наши Палестины? — обратился к Карелину старик, спокойно и доброжелательно поглядывая на отца с сыном. — Или вы просто туристы будете?

— Нет, Федот Нилыч, не туристы. — Карелин вздохнул. — Дело у нас тут есть. Миша, сходи-ка, сынок, на речку, зачерпни водички на чай, — повернулся он к сыну.

— Я мигом, пап. — Мишаня накинул на плечи лёгкий прозрачный дождевик и, звякнув котелком, исчез за пеленой дождя.

— Так вот, — продолжал Карелин. — Мой дед воевал в Карелии. Здесь где-то и пропал без вести в сорок первом году. Лётчик он был, истребитель. После одного боевого вылета не вернулся на свой аэродром. Ну, что же, пропал и пропал, немало в ту войну людей пропало. И вот два года назад в программе «Время» был показан репортаж из Карелии. Оказывается, местные поисковики обнаружили в одном из болот самолёт времён Отечественной войны. Тело лётчика найдено не было. Однако один из стариков ближайшего села припомнил, как в октябре сорок первого он наблюдал воздушный бой, в котором наш «Ястребок» дрался с тремя вражескими самолётами. Конечно, он был сбит, хотя и одному из фашистов изрядно досталось. Два других самолёта вынуждены были сопровождать его. Это обстоятельство помогло нашему лётчику выброситься с парашютом. Он благополучно приземлился в лесу, а его горящий самолёт рухнул в болото. Финны потом искали лётчика. Прочёсывали окрестный лес. И

на другой день километрах в шести к югу от села слышалась стрельба. Спустя час на двух машинах приехали финские солдаты. Они привезли тело советского лётчика и бросили его возле комендатуры. Мальчишки бегали смотреть на него. Гимнастёрка и галифе лётчика были мокры. Видимо, он пытался переплыть реку. Финский офицер сфотографировал убитого лётчика, а потом велел жителям села похоронить его. Что и было сделано. После войны одна учительница написала обо всём этом в газету. Но, видимо, у лётчика все родные погибли в войну или же он рос вообще один. Но только никого этот случай не заинтересовал. И даже имя его осталось не узнанным. Эта учительница с пионерами долгое время ухаживала за его могилкой. А теперь уже нет её в живых. Нет пионеров, да и страны той больше нет. Смотреть за могилкой стало некому.

Послышались лёгкие шаги, и к костру вышел Мишаня, бережно неся котелок с водой.

— Ну и льёт, — возбуждённо проговорил он. — Да и темнеет уже.

— Да, белые ночи отошли, — улыбнулся Нилыч. — Ну, а дождь — он сейчас и пройдёт.

— Вы думаете? — с сомнением посмотрел на него Миша. Старик не ответил и продолжал улыбаться, глядя на пламя костра.

Александр Петрович принялся пристраивать котелок над огнём.

— А уж чаем, любезные мои друзья, позвольте-ка мне вас угостить. Думается мне, что вы такого чайку ещё не пивали. — Нилыч достал из-под стола берестяной туес. Как и когда он его туда положил, Карелины не видели. — Чаёк добрый, на наших травках да на смородиновом лис-

ту. Сил он вам придаст, и спать будете хорошо, а уж думяный какой, да что тут говорить, сами убедитесь.

В кармане Мишиной ветровки неожиданно заверещал мобильник.

— Мамуля, привет, привет. Да всё нормально. Папа? Да что ему сделается, этому бугаю. Представляешь? Взял твоего ребёнка и выбросил в ледяную воду. Насилу бедняжка выбрался. Короче, мам, даю ему трубку, пожалуйста, поставь ему на вид.

— Здравствуй, дорогая, — засмеялся в трубку старший Карелин. — Да всё у нас хорошо. Собираемся пить чай. Очень сильный дождь, но мы в надёжном укрытии. Да не волнуйся, всё у нас хорошо. Вот только телефон почти разряжен. Завтра или, скорее всего, послезавтра будем в Алёшине и там заряжу. Целую, пока! — Улыбаясь и глядя куда-то сквозь кусты ивняка, Александр Петрович убрал телефон в карман.

Тем временем вода в котелке закипела. Нилыч осторожно снял его с жаркого огня и щедро сыпанул туда своей необыкновенной заварки.

— Ну, вот теперь минут десять подождём, — сообщил он, закрывая котелок чистой миской.

— Смотрите, а дождь-то закончился! — воскликнул Миша. И точно, шум дождя постепенно стих. Лишь отдельные капли продолжали падать на поверхность тента, скатываясь с берёзовых листьев. Александр Петрович, исподволь наблюдая за своим гостем, невольно проникался к нему уважением. Руки Нилыча двигались спокойно и уверенно. Открытый взгляд его больших серых глаз вызывал чувство доверия и симпатии к этому человеку.

— Федот Нилыч, а вы не знаете, кто устроил здесь такой укромный и удобный уголок? — спросил Миша, внимательно глядя на старика.

— Да я и сделал, правильно ты подумал, Мишаня. Но вот не был здесь года два, пожалуй. — Нилыч поднял с котелка миску, принюхался. — Готово, — удовлетворённо вздохнул он. — Подайте-ка ваши кружки.

На Карелиных повеяло чудесным ароматом смородины, мяты и ещё чем-то неуловимо знакомым.

— Чай этот сладким не пьют. — Нилыч водрузил на стол небольшую баночку золотистого мёда. — Но вот это вам, думаю, будет в самый раз, ну а я уж больно уважаю вот это дело. — И открыл металлическую баночку полупрозрачных цветных леденцов.

Александр Петрович изумился:

— Откуда у вас это, Федот Нилыч? Я таких леденцов, наверное, с детства не видел.

— А это уж мой секрет, — ухмыльнулся в бороду Нилыч. — Но если желаешь, то угощайся. — И он придвинул баночку к Карелину.

Мишаня с сомнением поглядел на угощение старика.

— Нет, я сделаю вот так! — Отрезав увесистый кусок ржаного хлеба, он густо намазал его мёдом.

— Тоже неплохо, — согласился Нилыч и, расправив пушистые усы, отхлебнул из своей кружки. — Давайте попьём чайку, а ты, Саша, рассказывай, что было потом. После того, как вы посмотрели репортаж о сбитом лётчике.

— Да, так вот после этой передачи я места себе не находил. Чувствовал, что это, скорее всего, мой дед. Жаль, что отец мой не дожил до этого дня, он тоже, думаю, согласился бы со мной. И тогда я всё рассказал

моему младшему, вот этому самому Мишане. Он сел за компьютер и уже через пять минут сказал мне, что найденный самолёт неплохо сохранился. Это даёт возможность по номеру двигателя определить имя лётчика. И действительно, вскоре нам пришло письмо из Карелии. В письме сообщалось, что мой дед, Карелин Михаил Александрович, геройски погиб в боях за свободу нашей Родины. И вот в прошлом году местный районный военкомат пригласил меня на торжественное открытие памятника. Я приехал. Всё было очень торжественно. Речи, цветы и салют. А в этом году у меня накопилась неделя отгулов и я решил приехать сюда, но уже без всякой помпы. Со мной увязался и Мишаня. Это мой младший. Школу закончил. Решил пойти по маминым стопам. Подал документы в медицинский. Правда, он внёс свои предложения. Мы раздобыли подробную карту Карелии, решили добираться до села Алёшино, сплавляясь по реке. И вот два дня назад сошли с петрозаводского автобуса, почти в самом её верховье, накачали нашу лодку и отправились в это плавание.

За всё время рассказа Александра Петровича Нилыч не проронил ни слова. Он прихлёбывал свой замечательный чай и только изредка согласно кивал седой головой.

Чай действительно оказался вкусным. Они уже пили по второй кружке.

— В медицинский, значит. Ну-ну, — огладил бороду старик. — Смотрите, как всё интересно сложилось: вы Карелины, и дед ваш лежит в карельской земле, — задумчиво произнёс Нилыч.

— Да, удивительное совпадение, — согласился с ним Александр Петрович. — Но меня постоянно тянуло в эти

места. Я ведь тоже лётчик, только я служу в гражданской авиации. Мне случалось летать и над Карелией. И всякий раз я поражался красотой её природы. Но ещё мы признательны ребятам-поисковикам и этому замечательному старичку, который был свидетелем того воздушного боя. Ведь это благодаря им был найден наш дед. Великое дело — находить и восстанавливать имена павших солдат. Страна должна помнить своих героев.

— Да, славные ребята, — глядя на пламя костра, негромко сказал Нилыч. — Вот тут мы с ними и сидели два года назад. Пили мой чаёк. Всё меня о войне спрашивали. Допоздна тогда мы засиделись. Спите, говорю им, придёт время, всё узнаете. А наутро они и отыскали тот самый самолёт, на котором дед ваш воевал.

— А вы что же, для них всё это устроили? — указал Мишаня на стол и скамьи.

— Да можно и так сказать.

— И яму эту вы тоже вырыли?

— Нет, Миша, яма эта с войны осталась. Немцы хотели сбросить новые мощные бомбы. Куда летел бомбардировщик, на Петрозаводск или ещё куда, это неизвестно. Да налетели тут наши истребители. Фашист попытался удрать. Бомбы эти свои страшные сбросил куда попало. Одна вот здесь и грохнула. А другие за рекой вон там в лесу попадали, — кивнул он в сторону реки.

— Вот это да! — изумился Мишаня. — Представляю, что бы наделала в городе такая бомба.

— Ты бы, Миша, видел, какая она была поначалу, а то зарастает с годами. Вон уже и кустарник в неё перебирается. Надо бы почистить, да здоровье уже не то. Жалко, хорошая стоянка для рыбаков и охотников пропадёт. Вон

как вам пригodiлось местечко это. Да и я плыву на лодке, гляжу, из-за леса туча наползает. А тут дымком понесло, и костёр ваш засветился. Вот я на огонёк и свернул. И поспел вовремя. Однако давайте-ка спать укладываться. Поздно уже.

Александр Петрович предложил гостю свой спальный мешок. Однако Нилыч отказался.

— У меня в лодке одеяло имеется. Сейчас принесу, завернусь да и прилягу поближе к костерку.

Пока он возился с дровами у костра, отец и сын заснули сладким сном.

***

Проснулся Карелин-старший от тёплого солнечного луча, который пробился сквозь листву и упал на его лицо. Александр Петрович сел и огляделся. Миша спал, улыбаясь во сне. Федота Нилыча нигде не было видно. На столе тщательно уложенная и чисто намытая лежала вчерашняя посуда. Да в солнечном блике золотилась баночка мёда, а над тлеющим костром висел котелок, до краёв наполненный водой. Карелин подбросил дров в костёр. Задумался. Весь вчерашний вечер казался ему сном.

И белый старик, и гроза — всё будто бы приснилось. Но полный котелок воды, вымытая посуда и баночка с мёдом говорили об обратном. Припомнился странный сон. Увиденный им сегодня. Будто стоит он с Нилычем на берегу и показывает Мише, где нужно копать. А сын старательно роет землю их новенькой походной лопаткой, взятой с собою в это путешествие. Он голый по пояс, в солдатских галифе. На голове пилотка.

«Приснится же такое», — подумал Карелин.

Вода в котелке бурно закипела.

— Миша, сынок, на рыбалку пора. Поднимайся завтракать.

За утренней трапезой отец рассказал сыну об исчезновении гостя и о странном сне.

— Да всё просто, па, — хрипловатым от сна голосом сказал Мишаня, толсто намазывая мёд на хлеб. — Федот Нилыч сейчас сидит где-нибудь в камышах. Таскает окушков. Он человек деликатный и не хотел нас беспокоить. Ну, а твой сон говорит о том, что надо накопать червей для этой самой рыбалки, — продолжил он уже с набитым ртом. — Элементарно, Ватсон.

— Может, вы и правы, мистер Холмс, — в тон ему ответил отец.

Вдруг Миша перестал жевать и уставился на отца.

— Что-то не так? — встревожился Александр Петрович.

— Да, папа, я понял, что меня беспокоило вечером. Он же сказал, что приплыл к нам на лодке.

— Ну да, он был с удочками.

— Па, я только сейчас вспомнил. Когда я вчера ходил на реку за водой, никакой лодки там не было.

Они молча поднялись от стола и направились к реке. На берегу виднелся чёткий след от лодки. Но это был след их лодки. Вон она лежит под ещё мокрыми то ли от вчерашнего дождя, то ли от сегодняшней росы кустами. Широкая полоса примятой травы заканчивалась возле кормы их «резинки». Но никаких следов другой лодки видно не было.

Неподалёку шумно плеснулась рыба. В кустах суетливо и озабоченно щебетали какие-то птицы.

— Ладно. Пойдём, накопаем червей, а то ведь окунь нас ждать не станет. — Пока Карелин-старший убирал со стола, младший, взяв лопатку, принялся добывать корм для рыбы.

— Заодно хоть эти лишние кусты выкорчую, — слегка запыхавшись, сказал Мишаня. — А то Федот Нилыч вчера жаловался на своё здоровье. А людям пожилым надо помогать, правда ведь, старичок?

— Истину глаголишь, отрок, — дурашливо затряс головой и зашепелявил в тон ему отец.

Александр Петрович взялся помочь сыну. Вскоре они очистили склон воронки от наступавшего ивняка. Однако добыть червей оказалось не просто.

— Словно сквозь землю ушли, папа.

— А куда же им ещё идти, как не в землю.

— Ещё вот разок копну, и пойдём. Что это, па?

Карелин увидел под лопатой сына непонятный предмет. Миша присел на корточки и руками осторожно расчистил какой-то свёрток. Это была кожаная куртка. Вернее, ветхие её лохмотья, которые легко рвались под руками. Виднелся и такой же ветхий шёлковый подклад. Надо сказать, что подклад сохранился намного лучше куртки.

— Пойдём, папа, тут что-то не то.

— Подожди, Миша. — Карелин осторожно развернул странный свёрток. Внутри они увидели неплохо сохранившийся лётный планшет. Александр Петрович бережно открыл его. На землю тяжело выпал слегка подёрнутый ржавчиной армейский ТТ и орден Красной Звезды. На полуистлевшей карте, которая тоже находилась в планшете, вернее, на её обратной стороне, виднелся чёткий отпечаток пистолета. Виднелась и едва заметная

надпись карандашом. Карелин внимательно взгляделся в неё.

«Тому, кто найдёт. Я, старший лейтенант Михаил Карелин, был сбит шестого октября 1941 года неподалёку от села Алёшино. Ранен в левое плечо. Пытался уйти от финнов, но они обнаружили меня на второй день. Отстреливался до последнего патрона, но финны не знают об этом. Они опасаются подойти ко мне. Предложили подумать 10 минут, я должен сдаться или же буду убит. Сейчас зарою своё послание и попробую уйти вплавь. Передайте моей семье, что я их очень...»

Дальше было ничего не разобрать. Бумага прохудилась. Но Александру Петровичу и так было всё понятно. Слезы застилали его глаза. Рядом за плечом молча шмыгал носом сын. Нашли они и комсомольский билет лётчика. Он тоже неплохо сохранился. С пожелтевшей фотографии на них улыбаясь смотрел Мишаня. Только коротко стриженный. Из ворота гимнастёрки с лейтенантскими «кубарями» торчала по-мальчишески тонкая шея.

***

После того как каждый предмет удивительной находки был сфотографирован и каждое слово из предсмертной записки лётчика Карелина было переписано Мишаней в свою записную книжку, они погрузились в лодку и отправились дальше. Ни о какой рыбалке, конечно же, речи не было. Карелины решили поскорее добраться до Алёшина и побывать на могиле деда и прадеда. Гребли по очереди. Мишаня сидел на корме и молча глядел в безоблачное небо. Две чайки кружили над рекой. Они то стремительно падали вниз, к самой воде, то взмывали вверх с пронзительными, гортанными криками.

— Много лет назад вот в этом небе совершил свой последний полёт мой прадед. А потом пытался переплыть вот эту реку и был убит. — От этих мыслей Мишане делалось беспокойно на душе. — Папа, как только приедем домой, я заберу документы из медицинского и подам в лётное училище. Ты помоги мне маму уговорить.

— Ты уверен, что это будет правильно?

— Да, папа, сегодня я это понял.

— Ну, тогда нам надо сегодня же отправляться домой.

— Да вот только зайдём к нему на могилку. — Миша посмотрел на рюкзак, в котором были упакованы вещи лейтенанта Карелина. — Как думаешь, мы успеем, пап?

— Должны успеть, сынок.

— Па, дай-ка я ещё погребу.

— Что ж, давай садись.

— Километра три осталось. Как раз успеваем, ещё часа два-три в запасе останется, — кивнул Александр Петрович, склонившись над развёрнутой картой.

— Папа, а что это за отчество такое, Нилыч? — спросил Мишаня, налегая на вёсла.

— Было в старину такое имячко мужское. От реки Нил пошло. А ещё было даже и Африкан. Говорят, что имена эти появились с развитием нашего флота. Придёт с морской службы в родную деревню крестьянский сын, женится. И ну выдавать сыновьям своим подобные имена, — говорил старший Карелин, а сам в это время подумал, что Мишаня угадал его мысли. Ведь в тот момент он тоже думал о странном их госте. — Пап, а ты заметил, какие у него руки? Их ведь рабочими руками не назовёшь, — пыхтел за вёслами сын.

«Да уж, — подумал Александр Петрович. — А ещё борода и волосы старательно ухожены».

Странный и даже необычный старик гостил у них вчера.

***

Прибыв в Алёшино, отец и сын со своими огромными рюкзаками и баулами заявили в поселковый совет. Там все узнали Александра Петровича и всполошились. Но он быстро успокоил местных чиновников, сказав, что приехал по личной инициативе. Оставив на время в председательском кабинете свою поклажу и отказавшись от услуг провожающих, Карелины отправились на кладбище.

Александр Петрович ещё с прошлого года запомнил, где находится дедова могила. Поэтому, завидев высокую развесистую сосну, он уверенно повёл сына к ней.

Они стояли молча. Тёплый ветерок играл с непокорным вихром Карелина-старшего и, щекоча, задувал под теннису младшего. Невысокий гранитный памятник в виде солдатской пирамиды. Металлическая пятиконечная звезда и выбитая чёткая надпись: Лейтенант М. А. КАРЕЛИН — и тишина. Александр Петрович достал большой носовой платок и тщательно протёр уже слегка потускневшую звезду. Тем же платком смахнул пыль с памятника.

— Надо бы, папа, портрет под звездой пристроить.

— Надо, Миша, но, понимаешь, нет достаточно хорошей фотографии. Вернее сказать, всего одна и есть, на ней он ещё школьником заснят.

— Я возьму и сделаю портрет с комсомольского билета. На следующий год приедем и установим.

— Вот вы где. Сами и нашли? Ну, молодцы, здравствуйте.

Карелины оглянулись. К ним по тесному проходу семенил невысокий сухощавый старичок. В новом, по все-му видать, парадном пиджаке, под которым виднелась серая в клетку рубашка. Сквозь реденький седой пушок розово светилась кожа на голове. Но на подвижном лице его по-молодому остро смотрели синие глаза.

— А мне Галина Семёновна позвонила, говорит, что Александр Петрович с сыном приехали. Вот я мигом собрался и полетел. Вы как, надолго к нам?

— Нет, к сожалению, Иван Николаевич, — припомнил вдруг Карелин имя пенсионера. — У нас через два часа автобус на Петрозаводск, а вечером поезд на Москву. Дела. Работа.

— Понятно, — важно сказал старичок, польщённый тем, что московский гость помнит его имя. — Тогда давайте ко мне. Попьёте чайку, старуха у меня блинцов напекла. Да и остановка автобусная у меня под окном.

Лидия Григорьевна, супруга старичка, была под стать мужу. Сухонькая и очень подвижная. Она накормила нежданных гостей, напоила чаем. А их сын, тоже Михаил, съездил в поселковый совет на своём «жигулёнке» и привёз багаж путешественников. Карелины подробно рассказали радушным хозяевам и о вчерашней встрече с Нилычем, и о сегодняшней совершенно невероятной находке. И даже показали всё, что они нашли. Стариков потрясло сходство Миши с фотографией в комсомольском билете. Но не меньше их потряс и рассказ о таинственном старике.

— Нет у нас в округе никаких Федотов Нилычей, — категорично заявили хозяева.

— Но ведь он же сказал, что знает вас, — удивился Мишаня.

— Да пусть он говорит что хочет, но я его не знаю. Да и нет такого у нас, это я вам точно говорю. Два года назад про него рассказывали ребята-поисковики. И тоже сказали, что он меня знает. Я даже участковому об этом поведал. И он тоже только руками развёл.

Потом, уже в автобусе, Миша толкнул задремавшего отца:

— Слышь, па, а ведь этот Федот Нилыч, со своим удивительным чаем, сначала усыпил, а потом, во сне, указал тебе место, где надо копать. И тем ребятам-поисковикам, тоже во сне, место показал, где лежит самолёт. Так кто же это к нам приходил, папа?

— Не знаю, сынок, — задумчиво глядя на мелькающие за окном автобуса столбы дорожного ограждения, — сказал Карелин. — Может, это в лице Нилыча к нам явилась истина, не позволяющая людям позабыть о тех, кто сложил свои головы в той страшной войне.

КАЛЕЙДОСКОП

Я лежал в кровати и болел с утра до вечера. Ужасно скучно.

Вечером пришёл с работы папа и принёс мне подарок — калейдоскоп. Папа вечно принесёт что-нибудь такое... Ну зачем мне калейдоскоп, что я, маленький?

— Держи, брат, — папа протянул мне упаковку с подарком. — Пользоваться умеешь?

Папа зовёт меня по-мужски «брат», а дарит всякую малышовую муру.

— Спасибо, папа, — сказал я, делая вид, что страшно рад. — Ой, какая вещь!

Папа погладил меня по голове и объяснил:

— Это, брат, калейдоскоп. Я, когда в детстве болел, всегда смотрел в калейдоскоп, чтобы грустно не было. Ты посмотри в глазок. Там красивые узоры из стёклышек.

Я посмотрел, что мне, жалко, что ли. Стёклышек не было. Ясно, папе продали бракованную вещь. Как обычно. Вместо цветных стёклышек я увидел в глазке собственные старые обои на стенке, выцветшие, с утками в камышах.

— Что видишь? — спросил папа и широко улыбнулся.

— Красивые узоры, — сказал я, чтобы не огорчать папу.

— Молодец! — похвалил папа. — А если ты повернёшь калейдоскоп, то картинка поменяется. Это, брат, волшебная штука!

Тут мама позвала папу на кухню, и он вышел.

— Если повернёшь, картинка поменяется, — передразнил я папу и положил подарок на тумбочку рядом с лекарствами. Делать мне нечего, только в бесполезный калейдоскоп смотреть, который без стёклышек к тому же.

Мама и папа снова ссорились на кухне.

— Что ты ему даришь всякую ерунду? — тихо сердилась мама под грозное шипение котлет на сковородке. — Принёс бы полезное что-нибудь, книжку какую-нибудь.

— Я принёс сыну подарок от души, — ответил папа тоже тихо, но тоже сердито. — Ему скучно! Ему праздника хочется! Если бы я сидел с ним дома, он бы не скучал!

— А бельё я должна погладить?.. а обед приготовить?.. а в магазины?.. а за квартиру?.. а в поликлинику?

Засвистел чайник.

На следующий день я опять лежал и болел.

Во дворе стоял шум и гам. Напротив наших окон был детский садик. Горки, домики, лошадки, качели... И дети. Чего это они так разорались? Гораздо громче обычного. А ведь обычно они так орут, что автомобильных сигнализаций не слышно.

Я вылез из-под одеяла и прошлёпал к окну, наступая на концы шерстяного шарфа. Ничего не понятно, что у них там стряслось. Столпились все в углу площадки и галдят. Бинобль бы какой-нибудь... Такая вещь полезная, а у нас нет! Лучше бы папа вчера вместо калейдоскопа бинобль купил.

Я вернулся к тумбочке и взял папин подарок. Всё-таки у калейдоскопа есть глазок, может быть, сквозь него будет лучше видно.

Уселся у окна на стул и нацелил синий цилиндрик на площадку. Ух ты! Да у них там весело! Один мелкий на берёзу залез и плачет, второй к нему пополз и за ветку чем-то зацепился, ни туда, ни сюда. Остальные руками машут. Во, воспитательница бежит...

Я машинально повернул синий тубус, чтобы наладить резкость. Забыл, что это не бинокль. Тут оболтус с верхней ветки раскачался и совершил прыжок на соседний клён. Ну прямо белка-летяга! Ай, класс! Он вцепился в верхушку клёна и заревел так, что я прикрыл форточку.

Воспитательница растопырила руки, стараясь захватить и берёзу, и клён. Кричала она тоже будьте нате.

Я опять машинально повернул синий тубус, не отрываясь от глазка. Воспитательница подпрыгнула, как кенгуру, и сдёрнула застрявшего на берёзе! Во даёт! Пантера, а не воспитательница!

От неожиданности я крутанул калейдоскоп. Воспитательница сиганула на клён за другим мелким и скинула его на верёвочную сетку, натянутую на площадке. «Белка-летяга» подпрыгнул два раза и затих в сетке. К нему полезли ещё желающие попрыгать.

Я покрутил калейдоскоп ещё немного. Супервоспитательница залезла на клён повыше, устроилась в ветках, как русалка, и захныкала, вытирая кулаком слёзы.

И тут я догадался... Я всё понял! Как там папа сказал? «А если ты повернёшь калейдоскоп, то картинка поменяется. Это, брат, волшебная штука!» Ещё и какая волшебная... Вот это да! У меня даже температура поднялась от восторга. Ничего себе игрушки стали делать! Да с таким калейдоскопом такого можно наворотить. Только крутить надо аккуратней. На чём бы ещё проверить?

Я забрался обратно в постель и навёл синий цилиндрок калейдоскопа на противоположную стенку. Повернул. Картинка поменялась! В стеклянный глазок я увидел, как старые обои перекрасились. Вместо выцветших утят появились парусники, пушки, якоря, канатные бухты и старинные карты. Я бы сам только такие обои и выбрал!

Я опустил руку с калейдоскопом и уставился на стену. Среди осточертевших утят в пруду действительно плавал шикарный парусник! Так...

Через полчаса напряжённой работы я заменил обои во всей комнате. Не обошлось без брака. Иногда я слишком резко крутил трубку, и тогда получался не парусник, а крокодил. А если крутануть на 180 градусов, то вместо прудика и утят в камышах появлялись пустыня и верблюды. Так что над столом у меня верблюд меланхолично жевал старинную карту, а у шкафа крокодил стоял на якоре. Но ничего, даже прикольно. Я любовался на новые обои и на правах больного уснул.

Проснулся я от голосов мамы и папы. Они опять ссорились на кухне. Папа купил не тот стиральный порошок.

— Я же говорила — ав-то-мат! — по слогам возмущалась мама. — А ты купил для детских вещей! А мне для сти-раль-ной ма-ши-ны надо!

— А этот для машины не подойдёт, что ли? — сердился папа. — Это что, не стиральный порошок? Ну, не како же! Чем они таким отличаются?

— Да уж отличаются, раз написано — для детских вещей или для автомата! — ругалась мама. — Зря не напишут!

Я тихо-тихо выбрался из кровати и вышел в коридор. В руке у меня был мой драгоценный синий калейдоскоп.

— Ты просто жертва рекламы!

— А ты читать не умеешь!..

Я прицелился, навёл глазок на маму с папой и чуть-чуть повернул трубку. Я старался действовать очень осторожно, мне совсем не хотелось получить вместо родителей двух крокодилов или верблюдов...

— А ещё ты... — повернулась мама к папе, — ...ещё ты устал, наверное. Ты извини, что я тебя за этим порошком попросила зайти. Сама виновата, надо было сбегать в магазин, когда Виталик уснул, и все дела...

— Это ты меня прости, — улыбнулся папа и обнял маму. — Я торопился, не посмотрел на коробку, схватил первый попавшийся. Спешил домой после работы. К тебе.

Мама тоже улыбнулась. А я заткнул пальцем стеклянный глазок, чтобы картинка нечаянно не поменялась, и тихо-тихо вернулся в комнату.

Я зажил припеваючи! На следующий день, когда больное горло совсем достало, я направил калейдоскоп на собственную шею и слегка повернул трубку. Боль исчезла.

— Тра-ля-ля! — запел я от радости. — Тра-ля-ля-ля!

В комнату вошла мама и уставилась на меня.

— Что с тобой?

— Мама, у меня горло не болит! — воскликнул я.

— Погоди, болит — не болит... — Мама смотрела на меня так, будто я перекрасил волосы. — Это ты сейчас пел?

— А то кто же! — весело согласился я и с готовностью пропел: — А кто же, кто же, кто же, если не я, если не я!

— Лемешев, — сказала мама. — Карузо. Робертино Лоретти.

Она поцеловала меня в лоб и побежала звонить папе.

Раз я больше не болел, то надо было идти в школу. Но с моим калейдоскопом школы я больше не боялся.

— А вот работа Виталия Караваева, — произнесла Ольга Валерьевна и с неприязнью взяла со стола мой диктант. — Столько ошибок, столько пропущенных запятых и недописанных букв! Надо же так написать: «Ласточка поранила рыло о терновый куст»! — Ольга Валерьевна подождала, пока утихнет смех. — Надо же перечитывать, что ты пишешь, Виталий. Это, конечно, два...

Я ловко навёл под партой свой чудо-калейдоскоп на Ольгу Валерьевну и стал поворачивать.

— ...было бы, — продолжила Ольга Валерьевна. — Да, было бы, наверное, два, если бы Виталик не проболел несколько дней. Конечно, он слегка отстал, но он догонит, он такой способный мальчик! Я поставила тебе четыре, Виталик, — улыбнулась Ольга Валерьевна и положила работу мне на парту. Под диктантом красовалась жирная «четвёрка».

Эх! Чуть-чуть до пятёрки не довернул! Надо ещё потренироваться, поработать, поэкспериментировать. Волшебные штуки — они такие, они ленивых не любят.

На перемене я решил наконец разобраться со своей личной жизнью. Огляделся вокруг. За первой партой сидели Маша и Полина. Я прикинул варианты и быстро нашёл правильное решение.

— Полина, — не теряя времени, спросил я у самой красивой девочки во всём классе или даже во всей школе, — ты меня любишь?

— Чокнулся, Караваев? — удивлённо посмотрела на меня Полина и добавила через секунду: — Конечно, люблю. Разве непонятно?

На глазах изумлённых одноклассников она поцеловала меня в щёку, потом в другую, потом села ко мне на колени и крепко обняла за шею, чуть не задушила! В классе воцарилась мёртвая тишина, было слышно, как кто-то уронил учебник. Это я, пожалуй, перекрутил... Еле вырвался! Выходя из класса, заметил, как обалдела Маша. Ну, ещё бы.

Пашка Рублёв, конечно, подкарауливал меня за школой. Как раз мы с Полиной вместе вышли. Полина хотела проводить меня до дома, закутать в тёплый плед и напоить сиропом шиповника. А тут Пашка! Я так и думал. Они вместе с Полиной уже два раза в кино ходили...

Конечно, Пашка был не один. С двумя дружбанами из параллельного. Увидели меня — сразу стойку сделали. Ладно, сейчас картинка поменяется.

— Подожди меня, пожалуйста, на качелях, я быстро, — приказал я Полине.

Она послушно села на сиденье, взволнованно прошептала:

— Не ходи, Виталик, я боюсь, — а я сбросил свой рюкзак, чтоб не мешал, зажал в кулаке калейдоскоп и пошёл разбираться.

Метра за три я навёл своё оружие, посмотрел в глазок и повернул сразу на 180 градусов, чего там церемониться.

— Иди, иди, чего встал! — заорал было Пашка, делая шаг навстречу, и два других тоже двинулись ко мне. —

Иди, разговор есть...

Тут его прервали дружбаны. Один толкнул Пашку в грудь, другой заехал рюкзаком по спине, поэтому Пашка не упал, а торжественно протянул мне руку и сказал:

— Я тебя жду, чтобы сказать важную вещь. Давай с тобой дружить, Витал! Ты классный чел!

— Я подумаю, — важно ответил я. — Посмотрю на твоё поведение.

Сурово глянул на дружбанов. Они вытянулись в струнку, как на физкультуре. Ладно, хватит с них. Я зажал пальцем глазок, убрал калейдоскоп в карман и пошёл к качелям.

— У меня шоколадка есть, хочешь? — умоляюще крикнул вслед Пашка.

— Завтра съем, — пообещал я, оглянувшись.

Пашка радостно закивал. Полина упала с качелей.

Мама решила записать меня в хор. Вообще-то я хотел на карате, но это мы на месте разберёмся. Мне теперь сделать спортивную секцию из хоровой студии ничего не стоит!

Полина ходит за мной как пришитая. Пригласила меня в кино, обещала сама попкорн купить и колу. Выспрашивает, какие фильмы люблю. А я так думаю, что в зале с фильмом разберусь. Не понравится мультик — поменяю на комедию или боевик. Картинка же меняется!

Погода скверная, дождина поливает, и ветер, а Полина меня пригласила в парк аттракционов... Так, сейчас исправим. Накрутим безоблачное небо и плюс двадцать.

— Мама! — выскочил я из комнаты. — Мама, ты когда уборку делала, калейдоскоп мой не видела?!

Мама замерла на секунду с поднятым утюгом, потом медленно покачала головой.

— Не видела... Какой калейдоскоп?

— Да тот, что мне папа подарил на прошлой неделе! — заорал я и схватился за голову.

— Виталечка, не видела... Да ты не волнуйся так, другой купим...

Но я уже тыкал в кнопки, набирая папу.

— Папа... возьми трубку, папа... Папа!!! — завопил я в телефон. — Ты мой калейдоскоп не видел?.. Твой подарок?.. Как?! Почему выбросил?.. Без стёклышек... А когда?! Утром... и ведро вынес... А... ладно, ничего... спасибо, пап, другой не надо... Пока, пап.

Я вышел на улицу и раскрыл зонт. Дворника, конечно, не было, и дверь в мусорку закрыта на замок. Да и как бы я его там нашёл? Кто бы мне разрешил в мусоре копаться?

Полная безнадёга. Серый, мокрый двор, и эта картинка не поменяется. Я побрёл по лужам. Как теперь жить-то? Что я буду делать без моего калейдоскопа... Вот поругаются мама с папой — и что?

«Да ничего! — вдруг подумал кто-то в моей голове. — Помиришь их. Они же любят друг друга, значит, их можно помирить!» Хорошо, а на уроках? «А что на уроках? Подумаешь, большое дело! Будешь себя проверять, диктант перечитаешь, параграф выучишь, пример сам решишь. Ерунда! Хорошо ведь учился и раньше!» А хор? Мне же пение до фонаря! Не хочу я петь! «Ну и не пой, иди сразу на карате! И другим петь не будешь мешать». А с Полиной что? «А она тебе так нужна, что ли, эта Полина-павлина? Тебе же скучно с ней. И вообще, тебе

Маша всегда нравилась, забыл? Ты же мечтал с ней вместе на горный туризм пойти... Вон она идёт, кстати...»

Мне навстречу по двору действительно шла Маша. Увидела меня и заулыбалась. Вот это да! И дождь перестал, а лужи стали голубыми и солнечными. Жизнь прекрасна, никакой безнадёги! Вон какое всё чудесное, яркое. Меня этот калейдоскоп совсем заморочил, превратил в жулика, в дурака. Хватит! Я сам буду жить, без картинок! У меня и так всё получится. Вот идёт Маша. И в кармане куртки очень кстати оказались мои карманные деньги, на два билета в кино хватит, а может, и на попкорн! Я помахал Маше рукой, я ловко перепрыгнул через лужу, я расправил плечи и закрыл ненужный зонт, я...

Я случайно его заметил. На детской площадке, на горке, стоял маленький мальчик и смотрел в зелёную пластмассовую трубку. Он уставился на меня стеклянным глазком и крутил зелёный цилиндр. Менял картинку... Потом зажал стеклянный глазок пальцем, опустил руку и улыбнулся во весь рот.

Зелёный калейдоскоп. Не синий. Значит, не мой. Ещё один калейдоскоп, купленный в простом игрушечном магазине.

— Привет! — обрадовалась Маша. — Здорово как, встретились, надо же! Ты тут живёшь?

— Ага... — ответил я, следя за мальчиком. — Здорово... Маш, я сейчас тут... Мне срочно надо в магазин, мама просила... Я потом тебе... Ну, пока!

Я вбежал в игрушечный магазин и чуть не сбил выходящую женщину с огромным пакетом. Извиняться было некогда.

— Калей...доско...пы... есть? — тяжело выдохнул я у прилавка.

— Есть немного, — сказала продавщица.

— А можно... можно сначала в них... посмотреть?

— Товар упакован, — хмуро ответила продавщица, глядя на часы.

— Мне... на все... все, — решился я, вытаскивая из кармана деньги. Зазвенели раскатившиеся монеты.

А вдруг?..

БЕЗ УВАЖИТЕЛЬНОЙ ПРИЧИНЫ

Покажите мне мальчишку, который не мечтает о славе. И я рассмеюсь ему в лицо! Потому что таких мальчишек не бывает. Уж на что был тихоней и мямлей Виталик Миробоев, но и он втайне ждал своего часа.

И судьба улыбнулась ему.

Случилось это после уроков, когда Виталик вяло брёл домой с жиденькой тройкой по русскому. На перекрёстке зажёгся жёлтый, потом красный, потом опять зелёный. А он всё стоял и таращился на дом через дорогу.

Ничего такого на первый взгляд в доме не было. Обычный шестиэтажный дом. Со скучной вывеской «Швейное ателье». Но это вчера. А сегодня четверо бодрых рабочих в синих комбинезонах прилаживали к стене новую вывеску. И на ней крупными буквами красовалась его, Виталика, фамилия!

В середине фамилии возник небольшой пробел, будто призывая произносить её не торопясь, глотнув от восторга воздуха.

Переполненный радостным волнением, Виталик оглянулся на стоящих у светофора прохожих. Некоторые поглядывали на новую вывеску с любопытством.

— Пора бы ремонт нам сделать, — сказала одна тётенька, обращаясь к мужу.

— Да... — отозвался тот без энтузиазма.

Назавтра Виталик впервые в жизни прогулял без уважительной причины два урока. Учительница так и записала ему в дневник: «Прогулял без уважительной причины». Откуда ей было знать, что первый школьный

звонок и начало работы нового магазина совпадают. Виталик просто не мог не зайти в свой магазин.

Он с удовольствием гулял по просторному залу, с любопытством рассматривал образцы обоев. Их было, наверное, не меньше сотни. Или даже больше. Обои были всевозможных расцветок, узоров, рисунков. На полках аккуратными брёвнышками покоились запечатанные рулоны, словно таинственные свитки из инопланетной библиотеки.

Посетителей в магазине прибавилось. Приехало телевидение. Режиссёр ходил по магазину, указывая оператору, что снимать. Потом сказал:

— Нужны ребёнок с мамой.

«Мамой» выбрали застенчивую толстенную даму. «Ребёнком» — Виталика.

— Улыбнись! — велел ему режиссёр. — Вот так, хорошо. Смотришь прямо в камеру и внятно произносишь: «„Мир обоев” — это класс!» Понятно?

— Нескромно как-то... — замялся Виталик.

— Это же реклама! — засмеялся режиссёр и протянул ему рулон обоев. — Держи, как часовой автомат держит, наискосок. Все готовы? Начали!

Румяная толстушка, которую нагрузили целой охапкой рулонов, покраснела ещё больше и воскликнула жалобно:

— Пусть мир станет краше!

— Миробоев — это класс! — звонко заключил Виталик.

— Снято! — сказал режиссёр. — Всем спасибо!

— Может, дубль? — спросил оператор.

— Времени нет. Нам ещё пельмени монтировать, сегодня эфир.

Про пельмени Виталик не понял. И даже не сразу сообразил, что за бумажку сунул ему режиссёр на про-

щание. Оказалось, это десять долларов. Что с ними делать, Виталик не знал и просто отдал их вечером матери.

— Это откуда они у тебя? — ахнула та.

— Я в рекламе снимался.

— И что рекламировал?

— Нашу фамилию.

Отец отложил дневник сына и недоверчиво покачал головой:

— Прогулял и оправдываешься? Да если бы мне за фамилию доплачивали, я б не на стройке пахал, а...

Домечтать он не успел. В телевизоре появилась весёлая физиономия Виталика, который с уверенностью заявил:

— Миробоев — это класс!

Мать, выронив зелёную купюру, медленно опустилась на табуретку.

Румяная толстушка в кадр не попала. И это было Виталику приятно. Выходило, что именно он — главный герой.

До полуночи рекламный ролик прокрутили ещё пару раз. Он длился всего несколько секунд, и, может быть, поэтому хотелось смотреть его ещё и ещё.

Матери позвонила подруга: не твой ли Виталька обои рекламирует?

Отец поглядывал на сына с невольным уважением и одобрительно хмыкал.

На другой день выяснилось, что чуть ли не весь класс видел новый рекламный ролик. Мальчишки хлопали Виталика по плечу:

— Ну, ты даёшь!

— Надо было сказать не «Миробоев — это класс!», а «Миробоев — это пятый „Б” класс!».

— Всё равно круто!

Девчонки восхищались его фотогеничностью и приятным голосом.

Одна лишь учительница возмущалась:

— Миробоев — это не класс, а позор! Даже первокласснику известно, что «не» с глаголами пишется раздельно. Не фамилия красит человека, а человек фамилию. Запомните это.

«Завидует», — усмехнулся про себя Виталик.

Телевидение настойчиво продолжало утверждать его славу. Однако спустя месяц настойчивость эта стала ослабевать. Рекламный ролик мелькал на экране всё реже, а затем и вовсе исчез.

А в конце четверти Виталик вновь стоял на перекрёстке. Зажёгся жёлтый, потом красный, потом опять зелёный. Виталик всё стоял и с ужасом наблюдал, как четверо бодрых рабочих в синих комбинезонах прилаживают к стене противоположного дома новую вывеску.

Перейдя наконец через дорогу, он только и смог выговорить:

— Это что же здесь будет?

— Здесь, брат, шикарная пивная будет, — откликнулся один из рабочих. — Тебе сюда рано ещё.

— А старый магазин где?

— Бог его знает. Ты уйди из-под стремянки-то, пока молоток на голову не свалился.

Знай Виталик, какой сокрушительный удар ждёт его в школе, он бы предпочёл молоток.

Учительница вошла в класс не одна, а ведя за руку новенького.

— Знакомьтесь, ребята. Ваш новый товарищ — Юра Бочкарёв.

— «Бочкарёв — правильное пиво!» — грянул хором продвинутый в телерекламе пятый «Б» класс.

— Дураки! — закричал Виталик. — Не фамилия красит человека, а человек фамилию!

Но в общей суматохе никто его не услышал.

Вернувшись домой, Виталик бросил в угол рюкзак и лёг на тахту. Он лежал лицом к стене, глядя на старые выцветшие обои. Отец давно собирался переклеить их на новые, какие-нибудь испанские или финские. Да так и не собрался.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

Вот что я открыл! Если из русского языка убрать отрицательные частицы, я был бы послушным, внимательным и алаберным.

— А я выносимым! — обрадовался Юрка, когда я сообщил ему о своём открытии.

В это время Лидия Яковлевна велела всем достать тетради и приготовиться к контрольной.

— Звонок скоро, и на тебе — контрольная... — проворчал Юрка.

— Она вообще какая-то... предсказуемая, — согласился я.

Но нам повезло. В класс заглянула директорская секретарша Леночка и срочно позвала учительницу к телефону.

— Из роддома, — добавила она громким шёпотом.

— Ой! — засуетилась Лидия Яковлевна. — Леночка, пожалуйста, побудьте с ними пять минут, я скоро.

По коридору, удаляясь, застучали её каблуки.

— Хороши! — покачала головой Леночка. — На пять минут вас нельзя оставить. — Она подошла к доске и села за учительский стол.

— Леночка, а что случилось? — вкрадчиво спросила Соня Козодоева.

— Не Леночка, а Елена Владимировна, — поправила та строгим голосом. Но быть строгой ей быстро надое-ло, и она призналась: — У Лидии Яковлевны дочь дол-жна родить вот-вот. А может быть, уже...

Девчонки заверещали:

— А кого, мальчика или девочку?

— Откуда ж она знает?

— Теперь об этом заранее сообщают.

— А ты-то откуда знаешь?

— Вчера по телевизору сказали, — заявил Валера Скорилов, — что в Аргентине одна семерых родила!

— Да ну тебя!

— Интересно, кто у неё муж? — мечтательно произ-несла Козодоева.

— Диего Марадона.

— Дурак!

Поднялся гвалт. Леночка пыталась навести порядок, но её никто не слушал.

— Все девчонки у нас... нормальные, — сказал я.

— Какие же они нормальные! — Юрка с удивлением посмотрел на меня. Но, вспомнив начатую игру, кив-нул: — Вообще, ты прав. Орут, как... дорезанные! А пацаны у нас все... дотёпы!

Мы засмеялись.

Вдруг Юрка спросил:

— А твои родители часто ругаются?

— Да когда как. А что?

— Мои часто. Вот родили бы мне в своё время брата или сестру...

— И что?

— Заботились бы, а не ругались.

— Разве о тебе не заботятся?

— А чего обо мне заботиться — я уже большой. — Он вздохнул и добавил: — Подождут ещё немного и развеются.

Мне стало жалко Юрку. Я спросил:

— А как они ругаются?

— Да ну, повторять неохота. Когда отец приходит с работы, мама кричит: «Терпения моего больше нет!..» Ну и так далее.

— Может, ты с ними в нашу игру сыграешь?

Юрка пожал плечами.

Шуму в классе поубавилось. Леночка пугала всех какой-то важной комиссией, которая явится в школу на следующей неделе.

Юрка хмыкнул.

— Ты чего? — поинтересовался я.

— Смешно выходит. Представил, как мама на отца ругается: «Вернулся, годяй трезвый! Дельник радивый!»

— А он что? — улыбнулся я.

— А он... — Юрка сделал важное лицо и пробасил: — Зря ты такими справедливыми словами меня и себя нервируешь.

Мы захохотали. Леночка погрозила нам кулаком.

— Я им вечером расскажу про игру, — прошептал Юрка. — Как думаешь, поможет?

Я кивнул.

В класс вошла Лидия Яковлевна. Все замерли.

— Итак, продолжим, — сказала она деловым тоном. Потом оглядела всех нас. Глаза её вспыхнули, она всплеснула руками и сказала: — Ой, ребятушки! Я такая счастливая! У меня внучка родилась!

Девчонки завизжали. Леночка бросилась целовать Лидию Яковлевну.

Козодоева, которой светил трояк за полугодие, встала и заявила с проникновенностью:

— Дорогая Лидия Яковлевна! Мы все желаем, чтобы ваша внучка была такая же красивая и добрая, как вы! И чтобы она была... — Соня споткнулась, подыскивая слова.

— Заботной и наглядной! — подсказал Юрка.

Все засмеялись, хотя никто ничего не понял. Кроме меня.

ШЕСТИКЛАССНИК СЕРАФИМ

Неизвестно, о чём мечтала Таня Косарева, когда её вызвали к доске читать наизусть Пушкина. Она, будто очнувшись, тряхнула головой и начала мягким певучим голосом:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестиклассник Серафим
На перепутье мне явился...

Девятый класс захохотал. Молодая учительница не выдержала и засмеялась тоже. Улыбнулась и Таня. «Надо же, — удивилась про себя, — какая оговорка смешная!»

Никто примерную Таню не заподозрил в озорстве. Все видели, что она случайно оговорилась. От этого было ещё смешнее. Кто-то крикнул, что в шестых классах и правда есть Серафим. Решили, что на перемене его нужно отыскать. В общем, урок был скомкан.

Серафим Перецын ничего этого не знал. Шла география. Географ Юрьич рассказывал про лесотундру. День шёл, как обычно, и не обещал сюрпризов.

И перемена началась, как обычно, шумно и бестолково. Скользящий линолеум в коридоре, крики и беготня. Перецын не сразу обнаружил, что оказался вдруг в окружении взрослых ребят. Те смеялись и похихатывали, глядя на него свысока, и беспрестанно повторяли: «Шестиклассник Серафим!»

Наконец это им наскучило, и они ушли, оставив его в покое. К Перецыну приблизились шестиклассники. Толстый Юрка Бурлакин, показывая на него пальцем, крикнул во всё горло: «Шестиклассник Серафим!» И все захохотали, даже девочки.

Впервые в жизни Перецын ощутил одиночество.

Его называли Серафимом одни учителя. Дома всегда звали Симой. В классе тоже Симой и ещё Перцем. На Перца он охотно отзывался, ибо имя свое не любил. Но что поделаешь, раз так называли...

— Зря ты, — говорила мама. — Красивое имя. Дедушка твой был Серафим Львович, папа Лев Серафимович, ты опять Серафим Львович. Родится у тебя сын — будет Лев Серафимович. И не прервётся цепочка поколений.

— А если дочь?

— Что?

— Если родится дочь?

— А не беда, — смеялась мама и ворошила его рыжеватые волосы. — Что-нибудь придумаем.

Новое прозвище прилепилось к нему, как липучка. Прозвище обидное и странное. Ну как можно обижаться на «шестиклассника Серафима», когда он и есть шести-

классник Серафим! Но было всё равно горько на душе. Он пробовал отвечать обидчикам тем же, кричал в ответ: «А ты — шестиклассник Юрка! А ты — шестиклассник Славка!» Без толку. Издевательски звучало только его прозвище — «шестиклассник Серафим».

Он перестал улыбаться, нахватал двоек и похудел.

— Что происходит? — недоумевал географ Юрьич. — Что с твоим взглядом, Перецын? Он потух! С таким взглядом ты завалишь мне районную олимпиаду.

— А он у нас «шестиклассник Серафим»! — гоготнул на задней парте Юрка Бурлакин.

Класс захихикал. Юрьич, ничего не поняв, лишь развёл руками.

Как-то на лестнице его окликнула Таня:

— Привет, шестиклассник Серафим! Вот, значит, ты какой. Совсем не страшный Серафим. А я из-за тебя чуть четвёрку не получила.

«Ненормальная», — подумал Перецын.

— Да не дуйся, я ведь не нарочно. Ты сам-то «Пророка» читал?

— Какого ещё пророка?

— Пушкинского, какого! Прочитай, развеселишься.

Об этом нелепом разговоре он вспомнил через несколько дней, когда вытирал пыль с книжной полки. Бросил на подоконник тряпку и вытащил Пушкина в мягкой обложке. «Пророк» обнаружился на 156 странице.

Стихотворение поразило Перецына.

Строчки вспыхивали, как ожившие вулканы, непонятные и страшные: «неба содроганье», «жало мудрая змеи», «отверзлись вещие зеницы»! Что это за шестикрылый Серафим такой? Зачем он вырывает у героя язык, грудь ему рассекает мечом? А герой, этот самый

пророк, не умирает, несмотря на ужасные пытки. Ему даже как будто и не больно. Сейчас встанет как ни в чём не бывало и пойдёт глаголом жечь сердца людей. Тоже непонятно: зачем их жечь и что вообще значит — «жечь глаголом»? Много было в стихотворении странного, оно волновало, беспокоило. «Гад морских подводный ход» пробирал до мурашек.

— Сима, ты уже убрал свою комнату? — крикнула из кухни мама.

Он сунул Пушкина в школьный рюкзак и взялся за веник.

Перецына продолжали дразнить. Но он уже привык к своему одиночеству и не испытывал прежней горечи. Двойки он исправил, на географической олимпиаде заработал грамоту, и Юрьич досрочно наградил его годовой пятёркой. Всё это случилось как бы само собой и потому не слишком обрадовало. Иная радость согревала его душу. «Пророка» он уже давно знал наизусть. Знал, что означают вышедшие из употребления слова: виждь, внемли, десница. Но самое главное, он полюбил своё имя — Серафим.

Зима в том году выдалась снежной, морозной и долгой. Прихватила март. А в апреле вдруг сразу стало тепло, почти жарко. Грохотали оттаявшие водосточные трубы. Повсюду текли бурливые ручьи и реки. Вода заливала подвалы, выталкивала крышки канализационных люков. В один из таких люков Серафим и провалился.

Рядом со школой возвышалась гора строительного песка, оставшаяся ещё с прошлогоднего ремонта. На горе стоял брошенный рабочими большой деревянный барабан без электрокабеля. Вода подточила песок. Барабан

качнулся и покатился, набирая скорость, в сторону стройплощадки.

Серафим коротал большую перемену, бесцельно слонаясь по школьному двору. Когда он увидел мчащуюся огромную катушку, у него похолодел затылок. У турника с закрытыми глазами, подставив солнцу лицо и шею, загорала старшеклассница. Барабан почти бесшумно летел прямо на неё. Оставалось каких-то метров десять.

— Беги! — выкрикнул Серафим сухим ртом, сам бросился к ней и ухнул с головой в ледяную воду...

Врач определил воспаление лёгких.

Через неделю домой к Серафиму пришла Таня Косарева. Она о чём-то поговорила с мамой и вошла к нему в комнату.

— Можно?

«Ненормальная», — узнал её Серафим.

— Меня зовут Таня. Здравствуй.

— Здравствуй. Меня — Серафим.

— Я знаю. — Таня улыбнулась. — Ты мне даже снился.

«Ненормальная и красивая», — подумал Серафим. У него опять начали гореть щёки и лоб, поднималась температура. Хотелось выбраться из-под одеяла, но он не смел.

— Я пришла тебя поблагодарить, — сказала Таня, помолчав. — Ты меня спас.

Серафим с трудом сообразил, что это на неё катился тогда деревянный барабан. Голова налилась свинцом. Он попробовал приподняться.

— Лежи, лежи, — забеспокоилась Таня. — Я сейчас уйду, к тебе нельзя надолго.

Она вытащила из сумки двухлитровую бутылку лимонада и три апельсина.

— Поправляйся. Ты теперь мой друг, мне тебя Бог послал. Не сердись на меня, пожалуйста.

Она наклонилась и поцеловала его в горящий лоб. Губы были прохладны. Серафим зажмурился и не спешил открывать глаза, не зная, что говорить и как себя вести с красивой Таней. А потом он уснул.

«Почему у тебя шесть крыльев?» — спросил он во сне.

«Не крыльев — крыл», — поправил его ангел.

«А у меня такие будут, я ведь тоже Серафим?»

«Будут, но не скоро. Не торопи время своё».

«Я слышу тебя, но не вижу твоего лица. Какой ты?»

«Нельзя тебе видеть лица моего. Живи, мальчик».

Кризис миновал. Болезнь медленно отпускала Серафима. До летних каникул он провалялся дома. В школе Юрьич настоял, чтобы Перецына перевели в седьмой класс вместе со всеми, ручаясь, что за лето тот всё наверстает. Так оно и случилось. А когда наступил сентябрь, Серафима уже не дразнили. Потому что прозвище «семиклассник Серафим» даже Юрке Бурлакину казалось лишённым всякого смысла и юмора.